



Дмитрий Дубинин
Золотой иероглиф
Серия «Андрей Маскаев», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442011
Золотой иероглиф: Авторское;

Аннотация

Небольшому сибирскому предприятию, едва сводившему концы с концами, зарубежная фирма предложила партнерство. Однако радужные перспективы для инженера Андрея Маскаева обернулись кошмаром наяву, когда выяснилось, что «респектабельной корпорацией» владеет японская мафия, тайно протянувшая щупальца на территорию России. Более того, якудза хотят завладеть старинной бамбуковой трубкой с листком рисовой бумаги внутри, доставшейся Маскаеву в наследство от деда, офицера НКВД, который полвека назад охранял японских военнопленных. Жизнь Маскаева и его близких в опасности. Инстинкт самосохранения и здравый смысл требуют уступить реликвию знаменитому клану убийц – но кто тогда прочтет зашифрованное послание давно исчезнувших самураев?

Содержание

Предисловие	4
Часть 1. Злой дух	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	18
Глава IV	24
Глава V	31
Глава VI	38
Глава VII	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Дубинин

Золотой иероглиф

Оксане – с любовью и благодарностью

Предисловие

Не стоит кривить душой, говоря, что точно так все и было. С другой стороны, если описывать произошедшие события точно так, как это случилось в действительности – значит нагонять на читателя скуку, а поступать подобным образом, вполне понятно, я не имею абсолютно никакого права.

Пожалуй, с этим бы согласился приезжавший в Новосибирск из Саппоро по линии одной из организаций породненных городов молодой поэт-любитель Дзюэмон Котомура, по профессии – железнодорожник. Однажды он рассказал мне несколько интересных историй о тех современных японцах, в которых даже в третьем тысячелетии живет неистребимый и почти совершенно не понятый европейцами самурайский дух. «В этой стране, – говорил Котомура о Японии, – ничто не умирает и не исчезает. Я не слышал, чтобы где-либо еще так мирно уживались высочайшие проявления прогресса с традициями, на первый взгляд кажущимися невероятно архаичными».

Не берусь судить, понял ли я досконально сущность этого духа (да и понять, как известно – значит упростить!), к тому же и сам Котомура проявляет к культуре и истории России едва ли не больший интерес, чем к культуре и истории собственной страны, а многое я воспринял именно с его слов. Во всяком случае, нашу литературу Дзюэмон знает очень хорошо; он любит цитировать поэтов «Серебряного века», далеко не со всем творчеством которых знаком я (особенно, как я заметил, Котомуре нравится Велимир Хлебников, и его он называет «самым японским из всех русских поэтов»). Но это я так, к слову.

И все же, будучи человеком из той страны, где к наследию веков относятся бережнее, чем едва ли не в любом другом государстве мира, Котомура является патриотом в лучшем смысле этого слова. Один из главных героев романа, Сэйго Такэути, во многом «списан» именно с Дзюэмона, которому также присущи определенный авантюризм в решениях, серьезное отношение к даваемому слову и зачастую малопонятный юмор.

Кстати. Разумеется, Такэути должен говорить по-русски не так складно, как это получается у него в беседах с Андреем Маскаевым и другими героями книги. Эта, пожалуй, одна из немногих неточностей, на которое, может быть, читатели посмотрят сквозь пальцы. Потом, оформление документов для выезда за границу в реальной жизни, как правило, происходит куда сложнее и дольше, чем в романе. Наконец, клана под названием «Акатацу» в японской мафии нет и никогда не было, как и не существовал в действительности и пилот-смертник Кивата Дзётиин.

Зато многое из того, что неазиатам часто кажется безнадежно устаревшим, косным и даже попросту нелепым, происходило и происходит сейчас в действительности. Думаю, не зря обычный гражданин страны Восходящего Солнца Дзюэмон Котомура говорит, что Япония – это страна, в которой ничто не умирает и не исчезает.

Часть 1. Злой дух

Глава I

Что есть презентации – благословение, или же сущее проклятие нашего времени? Об этом я лениво раздумывал, когда приходил в себя после пирушки, устроенной в центре муниципального культурном центре «Хоккайдо-Сибирь»... Или наоборот, «Сибирь-Хоккайдо», если я, конечно, не ошибаюсь. Приходил я в себя отнюдь не дома, а, черт возьми, в квартире, по супружеской терминологии, посторонней женщины. Само по себе это, конечно, было не так уж и плохо, учитывая тот момент, что Танька все еще находилась в командировке, но вот голова трещала, будто я выпил вчера не меньше литра неочищенного самогона.

Нет, конечно, я выпил, но относительно немного; да и повод был, что называется, лучше не придумать – Игорь Сорокин, мой компаньон, генеральный директор общества с конкретно ограниченной ответственностью, наконец-то добился для нашей фирмы статуса совместного предприятия... Не так-то просто было все это устроить, но Игорь молодец. Правильно он сделал, ничего, что теперь три четверти основных фондов будут принадлежать этому японцу, зато стабильность и надежность Игорь нам обеспечил... Но и горазды же эти азиаты русскую водочку кушать! Правда, не все. Годзи, ихний босс, по-моему, даже к рюмочке ни разу не приложился. Зато другие двое, как и сам представитель фирмы «Токида» в Новосибирске, как его... Сэйго Такэути, называвший себя русофилом и неплохо говоривший по-русски, глушили родимую не хуже, чем мы...

Пожалуй, оно все ничего, и не первая презентация с выпивкой случилась в моей жизни, надо надеяться, и не последняя, вот только то, что я отправился после нее не домой, стало, наверное, ошибкой. Но, принимая во внимание отсутствие Татьяны, вполне закономерной. И вообще – горбатого, надо полагать, действительно лишь могила способна исправить, да и то сомнительно. По крайней мере, проверять, насколько эта поговорка верна, мне пока что не хочется.

Идти поутру домой, ожидая неминуемого и все же довольно привычного скандала, а по появлении пред очи пусть неформальной, но практической супруги выслушивать соответствующую случаю тираду – дело одно. Заведомо знать, что Татьяна появится не раньше завтрашнего вечера и потому идти спокойно, не испытывая угрызений совести – другое. Но когда подходишь к незапертой двери квартиры и обнаруживаешь следы приехавшей раньше времени супруги – это уже нечто совершенно особенное.

...Мое вынужденное знакомство с отдельными представителями милиции поневоле научило некоторым тонкостям поведения в подобных обстоятельствах. Заметив, что между дверью и косяком имеется неширокая щель, я не стал хвататься за ручку и врываться внутрь, а всего лишь аккуратно, через носовой платок (который надо было немедленно выбросить, поскольку пятна губной помады на нем как нельзя лучше уличали меня в прелюбодеянии), взялся за краешек дерматиновой обивки, чуть выступающий за габариты двери, и потянул на себя. Одного взгляда оказалось достаточно: посреди прихожей валялась одна из двух сумок – та, что поменьше, с которой Татьяна поехала в тот город, откуда мы не так давно были вынуждены слинять... Отсюда частично просматривалось все простое убранство кухни и единственной комнаты нашей квартиры, чистоту и порядок в которых ценой невероятных усилий поддерживала моя «гражданская супруга». Но то, что я увидел сейчас, заставило подумать о справедливости закона неубывания энтропии – замкнутая система всегда стремится к хаосу. Проще говоря, состояние внутренней обстановки вызвало невольную о том, что во время моего отсутствия в доме устроила оргию ватага шимпанзе.

Я три раза крикнул «Таня!», ощущая похмельную боль в затылке. Тишина.

Новости, однако... Я взглянул на часы. Без четверти восемь. Пятница. Не тринадцатое, но денек явно еще тот... Зазвонил телефон. Дудки! Еще не хватало входить сейчас внутрь.

Но надо позвонить куда следует. Мобильник я себе не завел, хорошо понимая, что для женатого (пусть даже граждански) человека – это средство не связи, а привязи.

Соседи, живущие по обе стороны от нашей квартиры, уже убежали вкалывать на свои заводы, да и вообще – домашних телефонов у них пока нет... Вот разве что за четвертой из выходящих на площадку дверей кто-то сейчас находится...

Мне не очень хотелось звонить в эту квартиру: там жила полусумасшедшая дамочка лет тридцати пяти с такой же, как она, дочкой, зачатой явно после хорошей пирушки. Эта тетенька постоянно таскалась к моей жене, беря «на часок» то мясорубку, то шило, то еще какую-нибудь дребедень, которую потом не приносила обратно, и Танька, когда нужная вещь срочно требовалась в доме, посылала меня за ней к соседке. Та страшно радовалась моим визитам, но искала взятые вещи очень долго; то вставала на табурет, то нагибалась, заглядывая под стол, а ношенный халат застегивала лишь на среднюю пуговицу, и потому я волея-неволей обращал внимание на ее отвислую грудь и кривоватые ноги, чем соседка постоянно пыталась меня соблазнить. Если добавить к этому почти постоянный перегар, от которого можно было окосеть, находясь в сотне метров от нее, то ничего удивительного, что эти попытки всегда оказывались более чем тщетными. На подобное создание я мог бы залезть лишь после полугодового воздержания и принятых внутрь граммов шестисот-семисот.

Она оказалась дома, одетая, как всегда, в застиранный халат с минимальным количеством пуговиц. Перегара на этот раз я не ощутил. Мы поздоровались: я, соблюдая деловитость, она, как всегда, кокетливо.

– Позвонить можно? – осведомился я. – Не могу в квартиру попасть.

– Конечно, – откликнулась соседка (черт, как же ее звать-то?) и пригласила пройти.

– Здравьете, дядя Андрей, – промяукала ее бедолага-дочь.

– Привет-привет, – рассеянно отозвался я.

– А я слышала, как к вам сегодня ночью приходили, – вдруг сказала девочка. Я насто-рожился.

– Ночью? – переспросил я. – Во сколько?

– Не знаю. Темно было. Я голоса слышала, потом что-то стучало.

– Ну, может быть, примерно, помнишь? В час ночи? В пять утра?

– Откуда я знаю, – развела руками девчонка. В свои без малого тринадцать лет она все еще училась в третьем классе школы для олигофренов и, насколько я знал, не умела определять время по часам...

– Ей это приснилось, – встряла мамаша. Она поставила телефонный аппарат на тумбочку и села рядом в кресло, закинув ногу на ногу.

– А вы сами ничего не слышали? – спросил я, стараясь, чтобы мой взгляд не падал на голые ляжки. Тем более, что смотреть на них с похмелья, да еще после проведенной бурной ночи с красивой и жутко страстной женщиной было тошно вдвойне.

Соседка повела плечами.

– Я хорошо сплю, – произнесла она, изо всех сил стараясь вложить в эту фразу дву-смысленность.

Я промолчал и стал набирать номер. Разумеется, не 02 – там обычно долго копаются, а напрямую – нашего райотдела.

– Ограбление, – сказал я без долгих предисловий. – Частная квартира, адрес... И исчезла хозяйка... Говорит хозяин. Да. Фамилия моя – Маскаев... Мас-ка-ев. Да... Андрей Николаевич.

Когда мы уже несколько лет жили с Татьяной вместе, завод, где я трудился в отделе снабжения, стал понемногу испускать дух. Пришлось уволиться, вытрясти из администрации немного денег, оформить загранпаспорт и, подобно тысячам себе подобных, мотаться за тряпьем в Китай. Через полгода я открыл «точку» на барахолке и купил подержанные «жигули».

Скоро начались наезды. Нет, не рэкетирские – с этой ордой я умел ладить, тем более, что у меня почему-то всегда было немало хороших знакомых среди местной гопоты. Словом, три шкуры «контролеры» с меня драть не стали, ограничились одной, да и то не в полной мере... На меня наехала моя бывшая жена Валя Лоскутова, на которой я когда-то имел несчастье быть женатым. Она раньше получала от меня не так много (сколько может зарабатывать в наше время простой инженер?!), но вдруг вспомнила про алименты и подняла бучу. Я знал, что она живет, не будучи расписанной, с породистым бультерьером и не слишком чистым на руку следователем, который катается на «форде» и совсем не торопится с усыновлением нашего с Валькой отпрыска, а посему сделал вывод, что моя бывшая супруга просто захотела «восстановить справедливость»... Лучше уж разрешала бы мне пусть изредка, но проводить время с сыном!

Через своего сожителя она добилась-таки того, чтобы меня однажды взяли к ногтю и заставили зарегистрироваться как частному предпринимателю. Что я и был вынужден сделать.

Как и следовало ожидать, мороки у меня стало больше, а денег меньше – козе понятно, что в нашей стране заниматься легальным бизнесом, не имея близких друзей в руководящем звене мафии и правоохранительных органов – дело дохлое. Валька могла радоваться – алименты, которые ей стали переводить, оказались раз в пять меньше тех отчислений, что я платил ей добровольно.

Словом, чем дальше, тем все увереннее я катился к разорению. Но свернуть бизнес окончательно и «эмигрировать» в Новосибирск мне пришлось по другой причине.

Меня принялись натурально выдавливать из города. Сперва какая-то скотина облила аккумуляторной кислотой еще не распакованное тряпье на складе, которое нужно было как можно скорее продать; потом она же (или, может быть, другая) перебила все стекла в машине, а после этого Таньку стали донимать анонимными звонками, угрожая насилием над ее личностью. С подобным я уже сталкивался, когда пытался посредничать в торговле медью, но сейчас за меня взялись куда как серьезнее. Я практически свернул бизнес, продал гараж и тачку, но эти сволочи не унимались; то камень в окно прилетит, то на двери напишут что-нибудь относительно моего пребывания на том свете в самом ближайшем будущем. А то и относительно Танькиного пребывания в тех же самых краях и в то же самое время.

Таню можно было понять; она многого натерпелась за те годы, что жила со мной: и длительные отлучки без объяснения причин, и нередкие выпивки вне дома, а то и неприятности из-за моих делишек... Пару раз она почти что застукивала меня на другой женщине, но, поскольку и сама, в свою очередь, не являлась ангелом с нимбом вокруг белокурой головки, то эта пара случаев как-то не оказала существенного влияния на наши дальнейшие отношения. Тем более, что как мои, так и ее походы «налево» со временем вроде бы прекратились. А незадолго до этих наездов мы даже подали заявление в соответствующую инстанцию, но так и не дождались результата – пришлось уезжать. Тем не менее, с той поры я настолько свыкся с мыслью, что у нас настоящая семья, что иначе, как женой, Таньку не называл. И плевать мне было на отсутствие свидетельства о браке.

Но по причине вышеупомянутых наездов я оказался для Тани очень опасным жизненным спутником, а посему, после долгих и тяжелых разговоров, было решено уехать. Причем обоим: расставание никак не входило в наши планы; слишком уж много соли слопали мы вместе... Что ж, я считал, что оценил подобный поступок по достоинству, хотя, если поду-

мать, у Таньки, как и у меня, не было ничего и никого, что могло бы держать нас в этом городе подобно мертвому якорю.

Новосибирск я выбрал потому, что знал его неплохо – учился здесь в Водном институте на дневном отделении. И так, однажды мы с Татьяной купили билеты на поезд и... Не знаю, пусть это звучит достаточно смешно, но в какой-то момент я понял, что чувствуют эмигранты, отправляясь в новые места. Во всяком случае, наши билеты тоже были взяты только в одну сторону.

– Так вас ограбили? – недоумение на лице этой курицы казалось вполне искренним.

– Похоже на то, – процедил я.

– А... Танюша? Она ведь куда-то уехала?

Танюша... Хотел бы я знать, где она сейчас находится...

Я молча пожал плечами и спросил:

– Вы имеете в виду – в командировку, три дня назад?

– Ну, значит в командировку... Наверное, когда я в понедельник, кажется, столкнулась с Таней на площадке. Я хотела попросить четвертинку хлеба в долг, но Таня явно куда-то спешила с двумя сумками сразу, на ходу извинилась и сказала: «Не сейчас, Зоя, мне надо бежать, машина ждет».

Зоя, значит. З. О. Я. – «Змея Особо Ядовитая»... И любопытная – обиделась, что Таня «не поставила соседней в известность насчет своей командировки». Но правильно, машина Татьяну ждала – это я тачку поймал, чтобы отвезти ее на вокзал; не в гортранспорте же трястись супруге менеджера?

– Вы случайно, не обратили внимания, никто к нам вчера не приходил?

Змея Особо Ядовитая потупилась, увидела свои голые ляжки и попыталась прикрыть их полами халата. Впрочем, от этого движения картина скромнее не стала. Скорее, наоборот.

– Не обратила внимания... Или просто не запомнила... Вы знаете, я иногда вспоминаю подробности не сразу. Может, ближе к вечеру вспомню.

Нет, соседку можно выносить только в малых дозах. Даже трезвую.

Я поблагодарил и поднялся.

– Милиция еще же не приехала, – заметила Зоя.

– Ничего. Встречу у подъезда, – сказал я, думая, успею ли добежать до киоска и купить пива. Водка вечером и шампанское ночью – не самый лучший в мире коктейль, даже если пьешь водку на фуршете с доброжелательными японцами, а шампанское – в постели с обворожительной переводчицей...

С Игорем Сорокиным я познакомился в армии. Он был моим «дедом» и обучал меня обслуживанию капризных сервомеханизмов пусковой установки, поскольку, по разумению комроты, именно мне Сорокин должен был сдавать дела, уходя на дембель.

Армейские традиции – дело суровое. Сорокин не скрывал своей радости, что на смену ему кидают не какого-нибудь горца-джигита, а недоучившегося инженера, который отличает аккумулятор от стабилизатора, но это не мешало ему время от времени проводить со мной «воспитательную работу». Однажды, уже ближе к его дембелю, я пообещал Игорю, что не поленюсь после службы приехать в гости и порвать его физиономию на британский флаг. Обещание свое я сдержал, но драка окончилась довольно быстро – моя злость за полтора года стала какой-то бледной, а Сорокину, надо полагать, тоже не слишком хотелось воевать. Посему мы хорошенько sprysнули встречу, да так, что нас обоих потом подобрала хмелеуборочная машина и доставила прямоком в вытрезвитель.

А когда мы с Татьяной приехали в Новосибирск, обменяв квартиру и начав все с нуля, новая встреча с бывшим сослуживцем во многом решила мою судьбу. Поначалу, правда,

лишь в отношении работы. Игорь Сорокин, работая на Новосибирском химзаводе, отпочковал от вялодышащего предприятия кооператив, который с течением времени реорганизовал в закрытое акционерное общество. Нисколько не сомневаясь в успехе своего дела, он затеял производство всевозможных лаков и красок, что при тотальном дефиците в период конца перестройки позволило ему развернуться и даже открыть собственный цех.

Однако, его идея насчет выпуска фирменной продукции быстро закончилась пшиком. Рынок постепенно заполнился, и граждане с куда большей охотой покупали широко разрекламированную «Тиккуруилу», чем почти никому не известную краску с торговой маркой «Коршун».

В то время, когда Игорь стал работать в убыток, я уже трудился в его фирме несколько месяцев. Мы оба пахали как негры на плантации, он – будучи генеральным директором, я – в качестве менеджера, и лишь изредка позволяли себе расслабиться за рюмкой чая – либо он приходил с женой ко мне, либо мы с Татьяной навещали квартиру Сорокиных.

Производство красок мы почти свернули и взамен стали реализовывать чужую продукцию. К сожалению, в торгово-закупочный бизнес мы кинулись поздно, и если бы не случайно встретившаяся мне бывшая однокурсница, дело для фирмы могло кончиться плохо.

Строго говоря, однокурсницей моей Лена Кирюшина была всего лишь год, обучаясь в одной группе со мной судоводительской специальности. Впрочем, насколько я знал, Лена вовсе не горела желанием получить диплом инженера-водника, чтобы потом несколько лет стоять за штурвалом самоходной баржи в воняющей соляркой робе, или сидеть в прокуренной диспетчерской какого-нибудь грузового порта, расположенного у черта на рогах. Вообще, она собиралась поступить в университет на филфак и специализироваться по восточным языкам, но не добрала, кажется, всего лишь одного балла, а в «водник» поступила, чтобы не терять времени и заодно попытаться оказаться на практике в Амурском пароходстве – попробовать проникнуть, пусть ненадолго, в Японию или, хотя бы, в Китай.

Девчонкам несколько проще выкручиваться в период между школой и последующими занятиями – парни должны лавировать чтобы увильнуть от военкомата. Потому что если уж суждено загреметь в армию, то надо сделать так, чтобы это произошло не в самый неудобный момент... Я, кстати, в точности повторил скороговорку: лавировал, лавировал, да не вылавировал: в горьковский «водник» я попасть не сумел, потом удрал на Иртыш, а оттуда меня через систему рабфака направили в Новосибирск, откуда я и загремел-таки на срочную службу, не успев толком начать учебу на втором курсе... Что касается Лены, то не попав с первого захода в универ, она решила поступить в Водный институт, куда наплыв был не слишком велик – отсутствие военной кафедры и перспектива служить рядовым прельщала не многих парней-абитуриентов. Лена всеми правдами и неправдами попала на судовождение, где женского пола всегда оказывались считанные единицы.

В отличие от меня она жила с родителями, но познакомился я с ней в общаге, на дискотеке. Мы с ней тогда несколько раз потанцевали, потом я сделал попытку затащить ее в свою комнату, но Ленка сыграла в неприступность. Впоследствии я понял, что она тогда не играла – через пару недель я имел удовольствие услышать в постели ее девичий писк, плавно перешедший в женский. Удовольствие это было тем более полным, что до Ленки у меня не было ни одного подобного случая. Дальнейшие наши отношения были недолгими, но довольно бурными. Ейный папаша, сам напоминающий не то китайца, не то японца, полушутя-полусерьезно называл меня «зятком», да еще я случайно услышал, как ее мама сказала кому-то: «Кажется, они нашли друг друга. Я слышала, что если у двух людей одинаковые глаза, то им будет хорошо вдвоем».

Не стану утверждать, что эта фраза меня сильно задела – связывать себя брачными узами мне тогда абсолютно не хотелось, но мы с Ленкой действительно были чем-то похожи друг на друга. Наши отцы имели явные азиатские корни.

Не знаю, Ленкина ли внешность тому причина, но, как я уже говорил, она увлекалась культурой стран Юго-Восточной Азии. Еще в школе Кирюшина изучала китайские иероглифы, знала несколько японских выражений и, казалось, понимала, о чем говорят между собой населяющие общагу немногочисленные корейцы и вьетнамцы. Поскольку мы тогда крепко дружили, то и я поневоле приобщился к отзвукам Ленкиного увлечения, а однажды даже притащил ей сувенир, который в свое время выклянчил у своего бати. Это была бамбуковая лакированная трубочка, видимо, довольно древняя, с выжженными на ее поверхности иероглифами. Отец говорил, что эту вещь ему подарил какой-то китаец, когда батя в молодости работал на судах Амурского пароходства и волей-неволей общался с коллегами-китайцами, ходившими по Амуру на утлых парходиках, из которых практически все носили название «Ветер с Востока» и отличались только номерами. Вот капитан одного «Ветра с Востока» и подарил бате эту штучку в обмен на что-то исконно русское: то ли набор матрешек, то ли бутылку водки...

Я попросил Лену перевести иероглифы, но она сказала, что не понимает их начертания, а спустя какое-то время в наших отношениях что-то произошло – то ли ей перестало нравиться мое поведение, то ли еще что... Словом, мы начали то и дело серьезно ругаться, и Ленка порой более чем прозрачно намекала, чтобы я отстал от нее. Дело как раз шло к летней сессии, для особо успевающих студентов готовилась первая ознакомительная практика на судах с заходом в порты Японии (куда как раз и стремилась мадемуазель Кирюшина больше, чем кто-либо на потоке). Я же, находясь в некотором расстройстве, плохо отработал зачеты, с опозданием вышел на экзамены и даже завалил самый главный по тем временам – «историю КПСС». Ну, а с такими показателями я не то что на Японию – вообще на «ознакомилровку» не мог рассчитывать, и меня, как и других «отличившихся», закинули в так называемый «стройотряд» – всю летнюю навигацию я таскал на горбу мешки и ящики в Осетровском порту Ленского пароходства за гроши. И находил юмор только в каламбуре – пока Лена купалась в Японском море, я купался в Лене.

Потом меня забрали в армию, мы написали друг другу по три-четыре бестолковых письма, и все... На какое-то время я позабыл о существовании Лены Кирюшиной, возможно, даже и не узнал бы ее, даже столкнувшись нос к носу, но не зря говорят, что любое создание слабого пола никогда не забывает своего первого мужчину и при случае радо вспомнить грешное прошлое. И не только вспомнить.

К тому моменту, когда прибыли мрачные люди в милицейской форме, я уже частично справился с похмельным синдромом. Сержант по требованию старшего оперативника пригласил понятых, среди которых оказалась и Змея Особо Ядовитая, после чего мы все прошли внутрь квартиры.

Первыми в комнату заглянули милиционеры, но почему-то замешкались на пороге. Я попытался протолкнуть свой взгляд через их плечи, и натурально обомлел: у дальней стены, привязанная к креслу и с обмотанной каким-то тряпьем головой, сидела женщина, находящаяся явно без чувств; судя по знакомой одежде, это была не кто иная, как Татьяна.

Глава II

В конце этой зимы дела в фирме шли, прямо скажем, хреново. В какой-то момент я понял, что устал от бизнеса – я действительно не получаю кайфа от подобной сумасшедшей работы, а когда она к тому же перестает приносить ощутимый доход, поневоле затоскуешь по инженерским временам. С Танькой у нас после переезда начались свары и склоки. Там у нее имелись хоть какие-то подружки, здесь же она была вынуждена все свободное время паяться на мою физиономию, на которой явственно читались два слова «денег нет». И, честное слово, я уже на полном серьезе подумывал сказать Игорю прости-прощай и приступить к работе либо на флоте, либо где-нибудь в снабжении.

... – Привет, – вдруг услышал я женский голос, когда стоял у прилавка в гастрономе и решал непростую задачу – сколько взять: сто грамм с закуской или сто пятьдесят со стаканчиком пепси.

– Привет. – Я озадаченно взглянул на красивую высокую незнакомку в норковом свингере и шляпке из того же меха. Она чуть заметно улыбалась.

– Не узнаешь, что ли? – последовал вопрос.

Ленка!!

– Извини, действительно не признал, – произнес я, глядя на нее с изумлением. Может, норковый мех сыграл свою роль, может, что еще, но даже имея перед глазами только лицо, я готов был поклясться, что со времени нашей последней встречи Кирюшина, и тогда отнюдь не дурнушка, чертовски похорошела. Передо мной стояла женщина в самом, что называется, расцвете.

Чем бы ни была вызвана тогдашняя размолвка двух не наживших ума тинэйджеров, сегодня казалось глупым выяснять отношения. Некоторым количеством времени мы оба располагали, а посему я похоронил мысль проглотить каплю крепкого в одиночестве, предпочтя бокал шампанского в обществе бывшей однокурсницы. Итак, из гастронома мы перебрались в кафе.

– Чем занимаешься в свободное от отдыха время? – поинтересовался я, глядя на прикид собеседницы. Инженеры и филологи, работающие по специальности, в меха не одеваются. Если только не находятся у кого-нибудь на содержании, но, если так, то какой смысл вообще работать?

Но Лена работала. И при этом по специальности.

– Перевожу с восточных языков, – произнесла она. – Вернувшись с практики, где, кстати, Японию мы толком и не видели, а большую часть времени проводили в машинном отделении по уши в мазуте, я поступила-таки в универ. Закончила. Опять съездила в Японию. Побывала в Китае, Корее... Теперь пристроилась тут при центре «Сибирь-Хоккайдо», так называемом «Японском доме». Новосибирск и Саппоро все же считаются городами-побратимами. Делегации приезжают иногда, спортсмены, фирмачи... Даю частные уроки детям из относительно богатых семей, тексты перевожу, в основном, инструкции к бытовой технике. Отдыхать, словом, некогда. Иначе конкурентки все заберут.

Я, в свою очередь, рассказал, что тоже бывал на территории «великого южного соседа», только при несколько иных обстоятельствах.

– Замужем? – как бы просто так поинтересовался я.

– Нет, – ответила Лена. – Я слишком ценю свободу и независимость, чтобы вешать на шею супруга. Работа мне нравится, и зарабатывать я достаточно. Выйдешь за богатого – станешь приложением к мужчине. За бедного... Зачем, спрашивается, делить свои доходы с кем-то еще?

– А если за равного?

– С равным я и без штампа в паспорте встречаюсь, когда сама этого хочу, – недвусмысленно ответила Лена. – А ты как?

– Я в разводе, – сказал я. И это было чистой правдой.

Еще пара-тройка вопросов и ответов, и мы, пожалуй, разбежались бы по своим делам, но Лена неожиданно сказала:

– Кстати, о птичках. Сейчас в город приехали какие-то интересные японцы, которые ищут, как я понимаю, свободные производственные площади. Ты, случайно, с легкой или пищевой промышленностью никак не связан?

– Связан, и даже очень. Правда, не совсем чтобы с легкой или пищевой, но все же...

– А с какой именно?

– У нас с компаньоном небольшая фабрика по производству краски. – Говоря это, я несколько кривил душой, потому что захудалый цех размером с пяток капитальных гаражей фабрикой мог назвать лишь человек с очень большой фантазией. Как у меня, например.

– Ух ты, так это, может быть, то, что им надо! Давай обменяемся визитками, а завтра ты перезвони мне... Или я тебе – кто раньше успеет: или ты переговоришь с компаньоном, или я со своими японцами. О'кей?

– Какие могут быть разговоры... Значит, завтра?

– Да, где-нибудь в середине дня.

Я, конечно, ни в коей мере не надеялся, что из последующих переговоров выйдет что-нибудь путное, но почему ж не воспользоваться возможностью...

Лена взглянула на часы.

– Ну, мне пора, – улыбнулась она. – Думаю, еще встретимся.

Стрельнув напоследок в меня своими черными азиатскими глазами, Лена умчалась – преподавать, переводить, или делать что-то еще в этом духе... До ужаса деловая женщина. А я заказал еще один бокал шампанского и почти залпом опорожнил его – у меня здорово пересохло в горле.

– Так, ну а вы сами где были? – старший опергруппы, майор милиции по фамилии Виноградников, буквально буравил меня своими близко посаженными серо-стальными глазами. Татьяна, уже пришедшая в себя, внимала.

Черт! Теперь я понял, что погорячился, решив связаться с органами. Надо было позвонить Игорю, чтобы он подогнал кого-нибудь из «братвы» – тем, по крайней мере, плевать, где я мог провести ночь. Не находился дома?.. Ну и что? Засаживал «левой» бабе?.. Имеешь полное право...

– Я поехал после презентации в гости, – начал я, поглядывая на понятых, которые, сидя в нашей квартире, проявляли неподдельный интерес к происходящему. Понятым, кроме Змеи Особо Ядовитой, накинувшей по случаю такого дела странного вида ферязь, был какой-то плохо знакомый мне мужик с первого этажа. Свинья, даже не разулся! Менты на работе – им нечего в тапочках по хате ходить, а этот, понимаешь ли, гражданский долг выполняет... С Зоюшкой на пару – ишь, уши развесили!

– В гости. Так, это интересно. И, если я правильно понял, остались в гостях до утра? Так?

– По форме – верно, по содержанию – нет.

Виноградников долго напрягал мозги, пытаясь сообразить, о чем это я.

– О чем это вы? – гаркнул он наконец.

– Извините, как вас по имени-отчеству? – вежливо осведомился я.

– Степан Леонидович...

– Степан Леонидович, если вас интересуют мои свидетельские показания, то я хотел бы поговорить без понятых. – Эту фразу я произнес достаточно твердо.

Похоже, Виноградников вял. Он, к величайшему сожалению развесивших уши понятых, перестал доносить меня вопросами не по существу, и обратился к одному из своих:

– Скоро закончите?

Видно было, что ему эта история не очень нравилась. Банальное ограбление (или кража – пусть следствие разбирается) плюс угроза жизни хозяйки квартиры... Да, новосибирской однокомнатной квартирой, как и прежней, владела именно Татьяна. На всяческую жилплощадь с момента моего развода с Валькой у меня не было вообще никаких прав – потеряв сдуру комнату на подселении, тогда я кантовался по общагам, а потом приبلудился к Таньке, которая точно так же, как и моя бывшая женушка, выставила своего благоверного за дверь... Если уж я настолько «прекрасный» семьянин, которого Таня терпит не первый год, то представляю, за какое сокровище она в свое время выходила замуж.

Когда Виноградникову ответили, что почти все уже сделано, он достал бумагу и ручку и потребовал продиктовать список вещей, которые исчезли из квартиры. Мы с Таней нудными голосами стали перечислять, ужасаясь своему спокойствию: золотые украшения, доллары США на сумму девять тысяч сотенными (с указанием номеров купюр, которые на всякий случай я переписал – пусть только эти суки попробуют теперь потратить хоть одну бумажку!), газовый пистолет «вальтер», набор псевдоантикварного столового серебра... Вроде бы, все. Телик и видик, автоматическую стиральную машину и импортный унитаз воры с собой не унесли, а больше ничего ценного в доме у нас не имелось – не так уж богато живут менеджеры, как это иной раз себе представляют! У нас сперли буквально все сбережения, которые мы сумели сохранить после переезда в Новосибирск (правда, штуку баксов мы уже успели потратить с той поры, и теперь я страшно жалел, что не потратили и все остальные).

...После ухода милиции мы остались вдвоем в пустой квартире. Теперь можно было прибираться – все следы эти ищейки, по их словам, прочитали. Вопрос только в том – а что они, собственно, поняли?

Таня почти не разговаривала со мной – еще бы, такой стресс пережить! И она была совершенно уверена, что во всем виноват, как всегда, именно я, и больше никто. Конечно, она-то, приехав пораньше, летела домой как на крыльях, полагая, что я, как умная Маша, уже лежу в кровати (при этом, разумеется, один!) и, посасывая большой палец левой ноги, вижу десятый сон.

Супруги! Никогда не возвращайтесь из командировок раньше времени, если не желаете неприятных сюрпризов!.. Имей место классический случай с посторонней женщиной, то тогда, возможно, все оказалось бы проще. Но представьте ситуацию, когда вы приходите за полночь домой, а дверь открыта, и в квартире вместо «гражданского мужа» орудуют два типа в темных колготках на головах, от такого с кем угодно стресс может случиться. Особенно, если вас тут же хватают, вяжут, заклеивают скотчем рот и обматывают лицо старыми домашними штанами... А тут еще и вполне понятная тревога за мужика – уж не валяется ли он, бездыханный, в ванной? Поневоле сознание можно потерять.

Где на самом деле валялся я в этот час, об этом Тане лучше никогда не узнать. Не да... Походило на то, что нашу хату просто некоторое время «пасли», а когда дождался благоприятного момента, «бомбанули». Хозяйка в командировке, а хозяин, будучи подшофе, скорее всего, до дому просто не дойдет – угодит, например, в трезвяк, а то и в больницу – мало ли в городе дураков, что глумятся над пьяными!.. Правда, «дураки» ко встрече со мной уже вполне могли готовиться – зачем рассчитывать на случайность... Так что вариант с Ленкой спас меня от очень серьезных неприятностей.

Вот только Таня, что вполне справедливо, с этим вряд ли могла согласиться.

Господа иностранцы не погнушались прийти в офис фирмы «Коршун». Сперва, разумеется, они изъявили желание посмотреть на нашу «фабрику» и, пока Игорь возил их за город, на старую базу дорожно-строительной организации с незапоминающимся названием, где мы пытались развернуть производство, я сидел как на иголках, будучи уверенным, что люди из страны Восходящего Солнца, едва взглянув на древние емкости и измазанных краской работяг, чей перегар не в силах заглушить даже аромат растворителей, сразу же попрутся на свежий воздух, где поспешат распрощаться с генеральным директором этого вертепа, чтобы больше никогда в жизни не иметь дел с предприятиями, подобными «Коршуну».

Как ни странно, мои мрачные предположения не оправдались. Потомки самураев оживленно болботали, а Игорева физиономия так и лучилась радостью. Не знаю, что именно настроило японцев на оптимистичный лад, но именно с того мартовского дня дела у нас стали улучшаться. По крайней мере, на бумаге. Японская фирма «Токида» быстро прибрала «Коршуна» к рукам, выкупив контрольный пакет акций и заключив с Игорем какой-то хитрый договор. Я в подобных делах смыслю не слишком здорово, но Игорь бормотал что-то о серьезных нарушениях финансовой дисциплины, которые, как водится, помогли встать предприятию на ноги. Не прошло и двух месяцев, как азиаты заявили о желании буквально с потрохами купить нашу фирму (включая потроха генерального директора и потроха последнего подсобного рабочего). Игорь долго упирался, японцы настаивали, но компромиссный вариант со временем нашелся – мы должны были переименоваться в «Токиду-С», стать предприятием со смешанным (на три четверти японским) капиталом, где по-прежнему бы заправлял Игорь, но все шаги согласовывал с приехавшим в Новосибирск представителем фирмы господином Сэйго Такэути, довольно молодым человеком, очень даже сносно говорившим по-русски.

Излишне добавлять, что все наши переговоры велись через переводчика, а нашим постоянным толмачом стала Лена Кирюшина... И с ней я волей-неволей стал все чаще общаться и беседовать на темы, которые когда-то, в студенческие годы, интересовали и волновали нас обоих.

Потерянно слоняясь по квартире, мы еще раз проверили, что именно прихватили с собой ночные посетители, не забыли ли мы чего назвать Виноградникову.

Один из ящичков, в котором мы хранили свои безделушки (в основном, конечно, Танькины), явно подвергнулся досмотру. Но воругам вряд ли показались привлекательными обломки фарфоровых статуэток, тряпочные игрушки, бронзовый якорек и тому подобная дребедень. Все это, так же как и куча прочего барахла, было на месте. Впрочем, до меня потом дошло, что куда-то запропастился Танькин несессер, используемый в качестве походной косметички, но исчез ли он именно сейчас, я не мог сообразить... Пришлось спросить, и Таня сказала, что несессер находится в другой сумке, а сумка – в камере хранения на вокзале. И как будто не хватало чего-то еще...

Телефон молчал. Молчал и пейджер, что было весьма странно – обычно этот кусок дерьма только и делает, что пищит, бомбардируя меня всякой ерундой, включая Танькины напоминания, чтобы я не забыл пообедать...

– Тань, – позвал я, – давай хоть поедим маленько, я сейчас сделаю что-нибудь.

– Ты ешь, мне что-то не хочется, – голосом умирающего лебедя сказала Таня. Мне действительно было жалко ее чуть ли не до слез, вот только когда она спросит, а где, собственно, меня черти носили всю ночь, что я буду говорить?

– За хлебом надо сходить, – сказал я. – Ты пока...

– Послушай, – перебила меня Таня, – а ты-то сам, собственно, где был?

Этого следовало ожидать...

– Ну... Я малость перебрал на этой презентации.

– Ты меня не удивил. – Танька, умеющая мгновенно переходить от одного агрегатного состояния к другому, начала распалаться.

– И потом Саня Попов привез меня к себе, чтобы я не тащился через полгорода к нам на Учительскую, а немного очухался... А этот жук вместо того и сам еще тяпнул, да и меня угостил... Так я и продрых до утра у него.

– Этот Попов еще и пьет?

– Он и героин колет, – сердито отшутился я.

– Тьфу, – с чувством сказала Таня. – Что делать-то будем?

– Так уже все сделали, – сказал я. – Единственно, может быть, не в милицию надо было звонить, а братве... Я думаю, кто-то давно пас нашу хату, а тут видят, что хозяев дома не ожидается, они и... Залезть в пустую квартиру для опытного ворья – пара пустяков.

– Все равно правильно сделал, что в милицию сообщил. Кто их знает, вдруг это та самая твоя «братва» нас обчистила... Они еще и часы мои, что ты подарил тогда, у меня с руки сдернули... – У Тани в глазах появились слезы.

– Ладно, – сказал я. – Скоро вернусь.

Я схватил сумку и помчался вниз. Меня занимал не столько хлебный вопрос, сколько нечто другое.

Подойдя к ближайшему таксофону, я набрал домашний номер Игоря. Трубку взяла Ира, супруга генерального.

– А, менеджер! – узнала она. – Вы там что – соревнование устроили, кто кого перепьет? Сроду же такого не было, чтобы Игореха в брюках спать лег!

– Так повод же... Вчера договор заключили.

– Да знаю уж... Тебе Игоря? Вон он, встает...

– Привет, – сипло сказал генеральный. – Как здоровье?

– Среднее, – произнес я. – Ты как до дому добирался?

– Как Одиссей на Итаку, – мрачно сказал Сорокин. – Но при этом очень смутно помню... На частнике доехал, свою-то тачку пришлось там, возле «Японского дома» бросить. Но эти самураи гор-разды тоже кушать...

– Не все, – сказал я. – Их главный босс ничего крепкого, даже чая, по-моему, не пьет...
Погоди, ты ведь уехал уже после меня?

– Да, ты же пошел Лену провожать. Сказал, что вернешься. А я потом смотрю, тебя нет, народ расходится, ну и решил, что ты домой уже поехал. И сам тоже двинул.

– Не помнишь, кто во сколько отвалил?

– Ну, босс вместе со своим холуем ушел сразу перед вами с Ленкой. Этот тип из областной администрации уехал следом за вами, потом, кажется, корреспондента унесли... Дольше всех Такэути сидел, он еще что-то переводить порывался Григорьеву, Пырьеву и этому, не знаю, кто он... Кидзуми его фамилия. Они там вчетвером выпили больше, чем все остальные вместе взятые. Вот они как раз дольше всех оставались, еще после меня сидели.

– А Мотояма?

– Этот, вроде бы, быстро набрался... Видно, наши дозы не для его организма, вот он и ушел почти раньше всех. А ты разве не помнишь?

Я пропустил этот эпизод, очевидно, потому, что именно в тот момент решил на все плюнуть и нарваться на приглашение Лены, которая в этот вечер очень странно и даже словно бы со значением на меня смотрела... Да, мне было не до того, кто именно из японцев в какое время покинул презентацию.

– Слушай, а Сашка Попов когда свалил и куда?

– Этот жук спер со стола бутылку водки и удрал домой – у него вечером, как всегда, сеанс одновременной игры.

Сашка Попов был личностью в «Коршуне», а теперь – в «Токиде-С» незаменимой. Хотя бы потому, что он лучше нас обоих разбирался в технологии производства лакокрасочных материалов. Правда, последнее время дело шло к тому, что он вместе с цехом и работягами мог стать ненужным, но сейчас звезда его восходила, особенно после того, как японцы посулили закупить и установить в цехе новую современную линию. Один имелся у Сашки недостаток – мужик малость повернулся на компьютерных играх, по-моему, на этой почве его и жена бросила. Злые языки утверждали, что она наставляла ему рога как раз в тот момент, когда Сашка в соседней комнате рубился с коварными монстрами из «Дума» или «Дьюка», напряженно глядя в экран дисплея, давя на клавиши и азартно хрюкая; плевать ему было на то, с кем жена, главное – не попасть под выстрел виртуального киборга...

Я сказал Игорю, что дома у меня серьезные неприятности, и вряд ли смогу сейчас выехать в контору. Сорокин помрачнел – он надеялся отлежаться до обеда, отправив вкалывать меня. Затем я сказал, что мне надо изобразить так, будто бы я поехал к Сашке, с ним выпил и у него же заночевал. Игорь тут же все понял и гадко захихикал, змей подколодный.

... Дозвониться до Александра вечером было достаточно проблематично – через воткнутый в телефонную розетку модем Попов часами бился с такими же, как он, фанатиками сетевых игр, но по утрам линия, оканчивающаяся Сашкиным аппаратом, как правило, отдыхала. Так оказалось и сейчас – Попов уже встал и, видимо, завтракал – речь его поначалу оказалась невнятной. У меня отлегло от сердца, когда я услышал голос нашего главного технолога.

– А, ждорово, Андрэ! Как вчера посидели? До дому-то все добрались?

– В том-то и дело, что нет... Саш, я потому и звоню. У меня большие неприятности. Ты не можешь в случае чего поддакнуть, что я будто бы заночевал сегодня у тебя?

– В принципе, можно... Только для меня ты скажи, где был на самом деле?

– На самом деле я был у бабы.

– Этого следовало ожидать, учитывая, как она на тебя смотрела весь вечер...

– Выходит, ты понял, у кого?

– Еще бы! Только зря ты это, наверное... Уйдет от тебя Танька, как от меня Люська, будешь сам себе жрать готовить...

– Зато тебе теперь никто не мешает хоть до пяти утра резаться в твои игрушки...

– И это тоже так... В любом событии есть положительные и отрицательные стороны, как сказал один мужик, у которого умерла теща и ему пришлось раскошелиться на похороны.

– У тебя потрясающее чувство юмора, – заметил я, думая, что насчет похорон это он зря. – Только мне сейчас не до шуток.

– Догадываюсь. Неужели твоя взбрыкнула?

– Не совсем так, но надо принять превентивные меры.

– Понял... А что – она раньше времени приехала?

– Потом объясню, не по телефону, – сказал я. – До встречи.

– Пока, – растерянно сказал Саша.

Я положил трубку. Потом набрал номер Ленки. Длинные гудки...

Мне смутно казалось, что Ленка пользуется автоответчиком, но сейчас мне было не до размышлений на тему «почему не слышно пусть даже записанного голоса моей вновь обретенной подружки?» Меня больше занимало происходящее с Таней (и с нашей квартирой, но, принимая во внимание обстоятельства, в несколько меньшей степени).

Отсчитав гудков семь, я повесил трубку. Закурил сигарету и начал думать, что делать дальше, а думалось плохо. Но позвонить Ленке придется, пусть и позже.

– ... Помнишь, ты мне показывал бамбуковую трубку с иероглифами? – спросила меня Лена, когда в наших напряженных переговорах с японцами возник небольшой перерыв.

– Какую трубку? – стал вспоминать я, и тут до меня дошло. – А, эту... Китайскую, да?

– У меня есть большие сомнения в том, что она китайская, – сказала Лена. – Наверное, она все же японская.

– Но батя уверял, что ему ее китайцы подарили.

– Ну, подарить-то мог кто угодно, только, судя по описаниям, такие амулеты носили в старину не китайцы, а японцы. Самураи. Принеси как-нибудь, покажи...

Потребовалось напомнить еще раз, прежде чем я начал поиски и кое-как нашел эту штуку. Лена стала ее разглядывать, и у нее слегка поднялись брови: – Да, это не китайское начертание... Это японское. Но очень-очень старое, так сейчас никто не пишет...

– Очень-очень? – переспросил я.

– Да, – сказала Лена. – Так в Японии писали, если я не ошибаюсь, в шестнадцатом или семнадцатом веке, не позже.

– Ты в этом так уверена?

– Традиционная японская каллиграфия «сёдо» – «путь письма» – является одним из видов национального искусства. Основных типов начертания иероглифов – пять. Здесь довольно характерная из этих разновидностей – «рэй-сё». Знаки, как ты можешь видеть, немного вытянутые и вычурные. Таким было начертание иероглифов в документах позднего средневековья, иногда оно применялось для буквиз. Не самый архаичный стиль, но и нельзя сказать, что современный – уже в семнадцатом веке он был вытеснен начертанием иероглифов в стиле «кай-сё». Писал, несомненно, мужчина. Женщины в те времена делали записи иначе, в виде «онна-дэ» – «почерк женской руки» – это, так сказать, предтеча слоговой азбуки-хираганы. Женщинам негласно рекомендовалось писать азбукой, мужчинам – иероглифами... Кстати, это не выжжено. Это какая-то особая тушь, содержащая едкий компонент, а сверху трубка покрыта лаком, сваренным из панцирей крабов. Типично японская штучка.

– Я поражаюсь твоей эрудиции... И что тут написано, если не секрет?

– «Храни меня, Аматаэрасу-Оомиками»... Обращение к верховному синтоистскому божеству. И, похоже, подпись: «Дзётиин Тамоцу». Видимо, Дзётиин – это фамилия хозяина. Кстати, такие трубки-омамори могли использоваться как футляры для хранения каких-либо дорогих сердцу самурая вещей.

– Удивительно... Значит, внутри что-то может лежать? Как у крестоносцев – щепка от гроба Господня? Или как у странствующих рыцарей – волос любимой женщины?

– Ну, самураи не были столь сентиментальными, как европейские рыцари. Они хранили там письменные сведения о себе или еще каких-либо важных вещах. Но довольно редко. Если хочешь, проверь. Впрочем, мне кажется, ничего там нет.

Глава III

Господин Годзи Токида (или, как они там у себя говорят, Токида-сан) разразился довольно продолжительной речью, поздравив всех присутствующих, имеющих отношение к как бы новорожденной фирме, выразил надежду на процветание хоккайдских красок на сибирской земле, пожелал всем русским и японцам мира и взаимопонимания, таких же, какие имеют место в предприятии со смешанным капиталом «Токида-С».

Если честно, то в глубине души я чувствовал не то что досаду или обиду, но нечто отдаленно похожее. Как бы там ни было, в «Токиде-С» решающее слово теперь будет за японцами; маркетингом и технологией командовать начнут опять же они, нам останется, в основном, «грязь»: закупка сырья, производство продукции, упаковка, отгрузка... Экологические и налоговые проблемы, само собой, тоже наши. Зато снимались проблемы «крыши» – человек по имени Акира Мотояма очень уж уверенно говорил о том, что только честный бизнес, без взяток и отчислений в криминальный «общак», станет теперь генеральной линией в деятельности фирмы... Не знаю, не знаю... Если бы этот Мотояма, уезжая к себе в Саппоро, забрал с собой наших пожарных, сэсовцев и прочих чиновников с рэкетирами, то ему, пожалуй, можно было поверить.

– Кто такой Мотояма? – шепнул я Игорю.

– Один из руководителей их службы безопасности, – ответил Сорокин.

– Интересно, как он собирается заменить собой нашу «крышу»?

– Черт его знает...

Дальнейший ход официальной части кое-что разъяснил на этот счет. Во-первых, Годзи являлся младшим Токида – его папаше, директору фирмы, незачем было покидать головной офис для переговоров в Сибири. Во-вторых, не Акира Мотояма должен был улаживать все неофициальные дела, а некто по имени Кэнро Кидзуми, в чьей должности я не разобрался, но к словам которого явно прислушивались все японцы, даже сам Токида. Все, кроме того же Мотоямы, казавшегося наиболее самоуверенным типом среди присутствующих иностранцев.

С ответной речью выступил Игорь. В сущности, он ничего нового не добавил к сказанному Токидой. Ленка по-японски трещала бойко, практически не задумываясь. «Самураи» слушали, кивали головами и выражали положительные эмоции. Все, кроме опять-таки господина Мотоямы. Этот тип мне совершенно не нравился, и я был очень рад, что не ему Токида поручил стать своим «наместником» в Новосибирске, а вполне приятному молодому мужчине лет тридцати плюс-минус несколько, по имени Сэйго Такэути. Он совершенно не нуждался в услугах переводчика, отлично владея разговорным русским, правда, почти не выговаривая букву «л»... Посему в его устах некоторые слова звучали очень даже курьезно. «Полка», например... Или «послать». Сам он просил, чтобы мы его называли Сергеем.

...Неофициальная часть презентации пришлась по душе как японцам, так и нашим. С некоторым удивлением я обнаружил, что «самураи» больше налегают на водочку, соленые огурцы и жаркое, нежели на сакэ и закуски из морепродуктов. Впрочем, когда я попробовал ихнюю «бражку» и закусил оную фаршированной кукумарией, то удивляться прекратил.

Труднее всех в плане выпить-закусить оказалось Ленке. Во всяком случае, переводить вслух с набитым ртом она и не пыталась, а поскольку ей приходилось говорить постоянно, то нетрудно понять, почему в ее тарелке практически не убывало. Уж не потому ли у нее такая изящная фигурка?

Я после третьей не преминул заметить это. Лене, похоже, комплимент понравился, и с этого момента я перестал обращать внимание на японцев и на моих сотрудников. Говорить с ней было трудновато – она все время оказывалась занятой, но разглядывать... Черноволосая,

темноглазая, с тонкими холеными руками, она была одета в фиолетовую блузку, заправленную в черные облегающие брюки, и короткую жилетку без пуговиц. Эти брючки с застежкой на боку притягивали взгляды всех мужиков без исключения, и даже у японцев глаза становились круглыми как у котов, стоило Лене встать или пройти рядом со столом. Не буду врать – в одежде стиля «хочу прям щас» Ленку я никогда не видел (впрочем, на ней и скафандр выглядел бы неплохо), но сегодня Кирюшина впервые оделась столь вызывающе. И, если она – сознательно или нет – нарывалась на приключение с моим участием, то ее усилия не могли пропасть втуне. Если кто и пропал, так это я.

Хотя даже и не именно сегодня. Еще во вторник я так, чтобы услышала Лена, сказал, что Татьяна укатила на неделю в командировку. Но вчера и позавчера дел оказалось столько, что ни мне, ни ей, видимо, было не до глупостей. А вот сегодня...

Презентации, тем более когда собираются деловые люди, обходятся без танцев, просмотра кинофильмов в полутемном помещении и других подобных мероприятий, повышающих уровень адреналина и прочих гормонов в крови. Поэтому подержаться за Ленкину талию мне удалось лишь разок – когда я сопровождал ее в курилку – она почти не курила, лишь изредка баловалась дамскими сигаретками. При этом у нее даже вредный процесс курения, зачастую вульгарно выглядевший у большинства женщин, смотрелся эротично. Губы мягко обхватывали фильтр, щеки, помогая делать неглубокую затяжку, слегка западали, образуя маленькие ямочки, затем сигарета за временной ненадобностью удалялась, ротик, выдыхая дымок, приоткрывался и при этом между губ почти намеком показывался кончик розового язычка... Губы покрывала помада коричневатого оттенка, но этот цвет, как ни странно, очень даже шел нашей переводчице.

– Ну что же, поздравляю, – сказала Лена. – Желаю успехов. Кажется, вы добились всего возможного.

– Не знаю, как отблагодарить тебя, – произнес я искренне. – Ведь во всем этом твоя заслуга.

– Это моя работа, – сказала Лена. Сигаретка, губки, дымок, язычок...

– Я так думаю, что устроить для нас встречу с японцами все же несколько выходило за рамки твоей работы.

– Ну, в общем, да. Но, с другой стороны, чем дольше делегация здесь пробудет, тем больше я заработаю. Но если это тебе помогло, то я тоже рада.

Сигаретка, губки, дымок, язычок...

– Все равно я тебе обязан, – настаивал я. – Хотя бы шампанским и шоколадом...

– И несколькими бутербродами, – вдруг сказала Лена. – После этих презентаций и фуршетов я всегда страшно хочу есть... И устаю. А мне же никто не готовит.

Н-да, в ход уже пошли более чем прозрачные намеки.

– Надеюсь, самураи нас скоро отпустят, – произнес я.

– Хорошо бы...

– Вот тогда я тебя и угощу бутербродами.

В общем, так и получилось: самые главные из японцев уехали в гостиницу, разошлись и наши официальные лица, развлекаться же остались те, кто был не дурак выпить, а функции толмача взвалил на себя наш японский компаньон Такэути, который не меньше того же Игоря уважал «огненную воду» сибирского разлива... Если бы не Ленка, то и я, пожалуй, остался бы в центре «Сибирь-Хоккайдо» до тех пор, пока на столе не кончилось бы горячее, но я полагал, что в доме переводчицы меня ждет куда более интересная программа. И я не ошибся.

Вот только какой кретин придумал, чтобы вслед за вечером наступало утро?

Купив полбулки хлеба, я направился домой. Подойдя к двери, вставил ключ в замочную скважину и повернул. Толкнул дверь и увидел, что Таня, вроде бы, немного пришла в себя: стала распаковывать сумку, поставила чайник...

– Как же теперь быть без заначки? – безнадежно спросила Таня, когда мы сели пить чай.

Я не преминул напомнить, что номера купюр догадался переписать, и что если кто попытается потратить или поменять наши банкноты, то неминуемо спалится.

– Ну конечно, ведь это была моя идея, – заявила Танька. – Сам-то ты не догадался бы это сделать.

Я промолчал, помня слова бессмертного Ходжи Насреддина: «Кто спорит с женщиной, тот сокращает свое долголетие».

– Надеюсь, больше ничего они не утащили? – произнесла Таня, когда мы закончили чаевничать.

– Вроде бы, нет. Только трубку эту японскую найти не смог – она вроде уже давно куда-то задевалась. Ты бы пошарила в своих безделушках...

– В «безделушках», – фыркнула Татьяна, открывая дверь в ванную, вернее, в совмещенный санузел. – Ну никакой памяти нет у тебя, Маскаев! И вообще – это у тебя безделушки, вроде этих дурацких якорей, а у меня...

Таня зажгла там свет, и в квартире повисла глубокая тишина. И, как я сразу понял, зловещая.

И не ошибся. Через секунду Таня повернулась ко мне с ужасным выражением лица, ее голубые глаза стали свинцово-серыми, как грозовые тучи, что мечут молнии по шалопутным бесам.

– Это что? – свистящим шепотом произнесла она. У меня мгновенно пересохло в горле. Идиот! Какой я все-таки идиот!

Таня брезгливо, двумя пальчиками, держала мой носовой платок, который я каким-то уму непостижимым образом умудрился обронить на пол ванной. Платок был перемазан чем-то коричневато-алым, но это была отнюдь не краска фирмы «Коршун» или даже «Токида-С», это были пятна губной помады, при этом такого цвета, который Таньке, от рождения почти нордической блондинке, даже в кошмарном сне не пришло бы в голову испробовать на себе.

А кроме помады – чужой, платок содержал еще и следы спермы – моей, в чем Танька смогла бы убедиться, если бы вздумала провести экспертизу.

– Значит, у Сашки Попова ночевал. – В голосе Татьяны звучал неопишуемый гнев. – Ты, козел, всю ночь с кем-то трахался (глагол она впервые на моей памяти употребила другой), а я сидела связанная, с твоими вонючими штанами на лице и голос срывала, пытаюсь хоть что-нибудь крикнуть... Ох и сволочь же ты, Маскаев! Сволочью был, сволочью и остался. Убирайся из моего дома, поддонок.

Я готов был поклясться, что Таньку разозлил не столько факт моего похода «налево» после долгого затишья, сколько то обстоятельство, что она оказалась не в самой, мягко говоря, приятной ситуации в то время, когда я действительно получал несказанное удовольствие. Мне не привыкать сочинять наспех кучи каких угодно правдоподобнейших историй, но Таня не дала мне даже и рта раскрыть.

– Убирайся! Ты слышал?!

И она швырнула мне под ноги предательский платок.

Отливающее перламутром при неярком свете ночника лицо Лены я деликатно вытер своим платком.

– Понравилось? – мягко осведомилась она.

– Понравилось – не то слово, – честно произнес я, подтаскивая сигареты. – По-французски у тебя получается лучше, чем по-японски. Во всяком случае, не хуже.

Несмотря на то, что в постели как таковой мы еще оба не оказались и даже не успели толком раздеться, но уже сумели отбабахать бурную прелюдию к дальнейшей игре. Я про себя решил, пусть будет что будет, но часа и даже двух мне нынче мало – подобного наслаждения я не испытывал по меньшей мере лет пять. Останусь-ка я до утра, тем более, что и Лена желает того же.

Собственно кровати в квартире Лены не обнаружилось. Эта эксцентричная особа, оказывается, настолько вжилась в японские обычаи, что спала на полу, правда, на широченном и довольно мягком матрасе. И вообще, всяких сувениров и атрибутов Юго-восточной Азии здесь хватало. Узкоглазые куклы, маски, какой-то соломенный жгут... Панно, несколько фривольное при этом – свирепый воин с двумя мечами на поясе как будто обнюхивал полуголую девицу.

– Интересно? – спросила Лена. Она, в одной блузке, развалилась в кресле и тоже покуривала. – Эту картину в стиле школы «суйбоку» мне подарил в прошлом году один японский поклонник...

– Как? С какого боку? – на самом деле не врубился я.

Лена засмеялась.

– Так называется традиционная японская графика... Вернее, одна из ее древних разновидностей.

– Так это очень старая картина?

– Нет. Этот парень заказал сюжет художнику, а потом прислал картину мне на память. А изобразил он, если хочешь знать, себя и меня... А вот подпись иероглифами: «Хигаси, самурай твоего тела».

– Гм, – только и мог сказать я.

– «Самурай» по-русски значит «доблестно служу». Вроде как «рыцарь». Впрочем, смысл этой подписи на наш язык адекватно перевести невозможно.

Если честно, то иероглифы всегда вызывали у меня чувство, близкое к отчаянию, поскольку я хорошо понимал, что никогда в жизни не смогу запомнить пусть даже пяток. А ведь они и читаются, бывает, совершенно по-разному... Тогда, на первом курсе института, я слышал от Ленки, что такое различие, особенно имен и фамилий, приводит к совершенно невозможным для европейских языков каламбурам, и поинтересовался, что получится, если записать иероглифами наши фамилии. Но тогда Лена не могла с ходу сделать такой сложный лингвистический анализ, а я, признаться, забыл напомнить.

– Ты не помнишь, я как-то спрашивал, можно ли найти смысл в наших фамилиях, если написать их по-японски?

– Помню, – неожиданно сказала Ленка. – Со мной очень просто: моя фамилия практически также и читается: «кирю-шина», и имеет очень конкретное содержание: «временно живу здесь и кокетничаю».

Я промолчал, думая, что хорошо, наверное, получилось в свое время, когда мы расстались. Вероятно, жить с такой экзальтированной женщиной оказалось бы еще труднее, нежели даже с Валькой-стервозой...

– А ты читаешься так: «ма-су-кайфу».

– «Кайфу»? Мне это нравится. Люблю, когда по кайфу...

– В переводе – «морской ветер»... А первые два слога означают «злой дух» и «мель». Вот и получается, Андрей, что ты – злой дух, севший на мель где-то на морском ветру.

– Сиживал, случалось... Только на реке, и вообще никакой я не злой.

– Охотно верю. – Лена погасила сигарету и стала расстегивать пуговицы своей блузки. Я не отрываясь следил за ее движениями, и вдруг мой взгляд переместился на эту самую «суйбоку». Неожиданно я ощутил что-то напоминающее примитивную ревность:

– Вот этот значок, похожий на паука, и означает имя Хигаси?

– Ну и ассоциации у тебя... Вообще, да, его имя записывается одним иероглифом.

– И этот самурай действительно служил... Твоему телу?

– Всякое случалось, – неопределенно произнесла Лена. По идее, у меня должна была пропасть охота к дальнейшим вопросам, но сейчас почему-то все произошло наоборот.

– У тебя, наверное, хватает поклонников среди японцев?

Лена перестала расстегивать блузку.

– Если ты об этом, то в моей квартире действительно бывали японцы. Только ты меня за гейшу не держи, я этим за деньги не занимаюсь...

– Ты что, и в мыслях не было. – Говоря это, я, надо сказать, врал, ибо действительно решил, что Ленка еще и валютной проституцией между делом балуется... Отдельная квартира, пусть даже доставшаяся ей по наследству, меховая шубка... А хотя бы и так – мне-то какое дело до этого? Но все же спросил: – А неприятности по этому поводу не могут возникнуть?

– А от неприятностей у меня – вот, – Лена показала на соломенный жгут. – «Симэнава», против несчастий и всяких бед. Вроде подковы у нас, только надежней.

– И ты в это веришь?

– А он помогает, независимо от того, веришь ты или нет.

Нет, Ленка коренным образом изменилась со студенческих времен. Она стала не просто загадочной, а прямо-таки непостижимой... Рядом с соломенным жгутом висела цветная фотография довольно крупного формата – госпожа Кирюшина в роскошном кимоно, очевидно, чисто японского происхождения... Надо признать, оно ей идет даже больше, чем сегодняшней наряд.

– Твое?

– К сожалению, нет... – с явной неохотой сказала Лена. – Это я в Токио зашла в магазин, где торгуют почти исключительно национальной одеждой. Примерила, но брать не стала. Жутко дорого, но главное, что побоялась разочароваться – все они невероятно красивые, и если уж брать, так не меньше десятка...

К этом моменту я почти протрезвел, но очень хотелось пить, и я, слушая Лену, открыл вторую бутылку «шипучки».

– Да, если что, у меня еще шампанское есть, – сказала Кирюшина. Я невольно посмотрел в сторону тикающих часов, показывающих полночь.

– Ушел поезд? – в голосе Лены я услышал легкую насмешку, которая мне не очень понравилась, но я решил ее проигнорировать.

– А, гулять так гулять, – отозвался я. – Харакири мне делать некому – я же говорил, что Татьяна приедет только в субботу утром.

– Харакири человек может сделать только сам себе, – с неожиданной серьезностью произнесла Лена. – Кстати, если будешь общаться с японцами, не упоминай об их традициях просто так, всуе и не понимая сущности.

– Так харакири – это ведь архаизм... Со времен второй мировой, по-моему, только один случай в Японии был – какой-то писатель решил протест таким образом выразить.

– И все-таки. Если хочешь, чтобы японец к тебе ровно относился, не лезь в материи, которых тебе не понять...

Я немного обиделся.

– А чего тут понимать? Это же идиотизм – таким образом жизнь кончать. Застрелиться куда проще...

– Кстати, сами японцы очень редко употребляют слово «харакири». Этот ритуал называется «сэппуку» и с обычным самоубийством, как его понимают европейцы, не имеет ничего общего. Просто японский дворянин в какой-то момент осознавал, что, согласно особому кодексу чести, к слову говоря, писанному, его душа не имела больше права, возможно-

сти... По-японски это звучит вернее... Находиться в теле. Разрезая кинжалом живот, дворянин открывал «вместилище души», а секундانت, чье присутствие было весьма желательно, отрубал ему голову, и не для того, чтобы человек меньше мучился, а чтобы душе было легче отлететь...

– А как же приходилось подлому сословию? – Я попытался поерничать, но не получилось. Мой вопрос прозвучал недвусмысленно и серьезно.

– Ну, кастовая иерархия в Японии до сих пор существует. Но ритуальные самоубийства совершали не только мужчины-дворяне. Правда, другими способами.

– Неужели и женщины тоже?

– Всяко бывало. Но японки такое харакири не делали; женщинам предписывались другие способы. Вот в Камбодже – да. И еще там было поверье, что если женщина, будучи примерно на пятом месяце, при этом вытащит из себя ребенка и отдаст его своему мужчине, то в качестве амулета подобный подарок сделает обладателя совершенно неуязвимым. Для европейцев все это жутко, просто невысказано, для азиатов – пусть не повседневность, но действия вполне допустимые и объяснимые. А в Китае...

– Послушай. – Меня эта лекция стала несколько угнетать. – Может быть, хватит о смертях? Неужели это самая лучшая тема для сегодняшнего вечера?

Лена поднялась с кресла, подошла ко мне и присела рядом на корточки, положив руки мне на колени: – Я, наверное, действительно слишком глубоко погрузилась в свой Восток. Но там все очень отличается от того, к чему мы привыкли здесь. Смерть, секс, рождение там считаются явлениями обыденными и лишенными греховности. Просто одна форма сущего переходит в другую, и ничего более, за исключением, конечно, улучшения или ухудшения кармы. Понять это не все могут и не все хотят.

– А ты?

– Я стараюсь.

– И ты на полном серьезе пытаешься почувствовать себя японкой? Или камбоджийкой?

– Конечно, нет, – вздохнула Лена. – Просто я иногда жалею, что не родилась там.

Нагнав на меня тоску, Ленка и сама загрустила. Не знаю, как это принято у азиатов, но у нас выручать ситуацию в таких случаях должен сермяжный мужик.

– А если не секрет, кто лучше: наши или японцы? – спросил я, протянув руки к последней нерасстегнутой пуговице Лениной блузки.

Это был удачный ход. Глаза молодой женщины задорно заблестели.

– В настоящий момент лучше – ты.

Да, это действительно был удачный ход.

Глава IV

Сашка Попов иногда бывает прав: хоть и видит он перед собой при любых обстоятельствах лишь экран монитора, но прогноз его оказался близким к истине. С Танькой мы, конечно, не расстались, но пишу мне пришлось какое-то время готовить самому. Повторять произнесенное в запальчивости «убирайся!» она не стала. Понимая, что глупо требовать от меня безоговорочной верности, коль скоро еще на ранней стадии нашего знакомства мы пообещали друг другу обходиться без взаимных упреков и прочей ревности, решив, что наши отношения будут относительно свободными, Таня просто выволокла из-за шкафа раскладушку и предложила мне на ней располагаться.

Хозяйство и постель врозь – через это мы уже проходили, причем раза три, из них дважды – по причине именно моих фокусов. Но сейчас дело казалось более серьезным, чем обычно.

А с Ленкой тоже обстояло не все просто – я объяснил, что не могу пока продолжать наши встречи по причине, которую не стал скрывать; вероятно, это было не лучшим выходом, но, по крайней мере, честным. Лена тем не менее обиделась. Наверное, она не считала, что ренессанс нашей интимной связи можно ограничить лишь одним разом, но теперь, когда я подробно объяснил ей сущность наших с Татьяной отношений (а я ведь и раньше не врал, что мы с ней живем, как муж и жена), Лене открылась более полная картина... И при последующих встречах у нас в офисе я больше не замечал ни игривой улыбки, ни стреляющих глазок. И вообще, за ней вдруг начал приударять Сашка, хоть и не очень активно. Но протестов с ее стороны не последовало – поддразнивает меня, не иначе.

Совет Ленки насчет того, чтобы не бахвалиться поверхностным знанием японских обычаев, я запомнил. Сэйго, которого, как он и просил, стал называть Сергеем, это оценил, и уже к концу первого дня совместной работы я как-то и забыл даже, что Такэути – гражданин иностранного государства. Конечно, о дружеских отношениях говорить было более чем преждевременно, но скоро мы во время перекуров стали разговаривать о вещах, не имеющих отношения к делам фирмы, и перешли на «ты». Тем более, что Сэйго был старше меня всего на каких-то три-четыре года.

Рассказал я ему и о том, как нас обворовали в ночь после презентации. Такэути почесал затылок, покрытый длинными волосами.

– Надо сказать об этом Мотояме или Кидзуми, пока они здесь.

– А смысл?! Они же не будут проводить своего расследования! Кто им даст возможность что-то предпринимать?

Сэйго странно улыбнулся:

– Ты теперь наш сотрудник, и фирма должна тебе помогать.

Вот так, ни больше ни меньше. Я – сотрудник японской фирмы, а, значит, должен и работать, как японец... Без выходных и отпусков.

Но самый большой сюрприз ждал меня в конце трудовой недели, в пятницу утром. Я собирался на работу, Танька – тоже, когда зазвонил телефон. Трубку взяла она и, что-то там услышав, протянула ее мне.

– Тебя, Маскаев.

Ее голос несколько не потеплел за время, прошедшее со дня скандала, хоть я и полагал, что скоро все утрясется.

– Алло? – сказал я.

– Вы Маскаев Андрей? – послышался незнакомый мужской голос. И довольно суровый при этом.

– Да, это я.

- С вами говорят из РУОП.
- Откуда? – Черт, этого еще не хватало.
- Из регионального управления по борьбе с организованной преступностью. Я – подполковник Владимир Панайотов. Вы можете прямо сейчас подъехать к нам?
- У меня рабочий день...
- Постарайтесь отпроситься. У вас все же не пропускной режим, да и должность имеете высокую.
- Так. Они уже достаточно много про меня знают. Интересно, чем все это пахнет?
- Я постараюсь подъехать, – сказал я обреченно.
- Очень хорошо. Знаете, куда?
- В курсе...
- На вахте скажете, что вы – ко мне. И вот еще что. Об этом звонке никому не говорите. Не сообщайте, что вы едете к нам. Дело серьезное. Понимаете, да? Даже жене.
- Я понимаю...
- Жду вас. – И подполковник Панайотов положил трубку.
- Видимо, я выглядел довольно растерянно, потому что Таня не удержалась и спросила меня:
 - Что-то случилось?
 - Вроде того... Мне сейчас нужно кое-куда съездить. Буду у Игоря отпрашиваться.
 - Вечно ты попадаешь в какие-то истории, Маскаев, – вздохнула Танька. – Почему ты у меня такой брандахлыст, а?
- Ну откуда же я мог это знать?..

Внешность подполковника Панайотова никак не соответствовала его суровому голосу: руоповец чем-то напоминал артиста Евгения Леонова в роли лже-Доцента из известного фильма. Конечно, внешность – штука обманчивая, и все-таки я никак не мог проникнуться серьезностью того дела, о котором мне толковал Владимир Витальевич.

– Вот смотрите, Андрей... – Этот снимок сделан там, в Саппоро. Вот он, ваш Токида вместе с Мотоямой, а это – гангстеры-якудза, по которым плачет тюрьма.

На цветном снимке в объектив улыбались два знакомых мне японца. Другие трое (один из них в очках), такие же элегантные, подтянутые и как будто лакированные, были мне не знакомы. Якудза, значит. Странно, что Токида не боится афишировать свою связь с мафией, если это все так...

– Я не спрашиваю, откуда вы знаете, что это гангстеры, – сказал я. – Поскольку тут не видно пулеметов и самурайских мечей, мне остается только поверить вам на слово. Но объясните, что все это значит.

– Японская мафия проникает в нашу страну все глубже, и это ни для кого не секрет, – произнес Панайотов. – У себя на родине гангстеры практически в открытую контролируют едва ли не половину легального бизнеса, а теперь пытаются наладить контакты и с нашими авторитетами. А поскольку в нашей стране сейчас тоже не всегда сразу поймешь, где бандит, а где предприниматель, то почва для подобных союзов более чем благоприятная. Это так сказать, краткое предисловие. Теперь конкретнее. Хоккайдская фирма «Токида» – фактически бандитское предприятие. Производят они бытовую химию, ну и отмывка денег тоже идет полным ходом... У нас есть сильные подозрения, что какие-то аферы господина якудза будут проводить и под крышей вашего предприятия... Или оно теперь японское?

– Совместное.

– Еще не лучше. В один прекрасный день вы можете очень сильно погореть, причем в полном соответствии с действующим законодательством. Вероятно, «Токида-С» – своего

рода «Рога и копыта», времянка, созданная для того, чтобы прикрыть некую разовую акцию. Японские гангстеры хапнут денежки, щедро поделятся с нашими доморощенными мафиози, а сидеть придется вам. Или, в лучшем случае, долго расплачиваться.

– Так, мне нужно время, чтобы все это переварить, – сказал я, вспоминая слова Мотоямы о «честном бизнесе». – А пока скажите, почему именно мне вы рассказываете об этих делах, а не Игорю Сорокину. Все-таки генеральный директор он, а я, по большому счету, лишь исполнитель...

– Именно потому, что он – лицо, хотя бы формально – главное, а следовательно, могущее знать несколько больше вас – улавливаете мою мысль?.. Вот исходя из этого мы и решили, что лучше начать в первую очередь работу с вами. Это во-первых. А во-вторых, нам известно, что вы уже пострадали. Причем не прошло и суток после подписания соглашения.

– Вы имеете в виду ограбление нашей квартиры?

– Именно.

– Послушайте, я, конечно, не эксперт по вопросам деятельности японской мафии, но зачем ей мараться квартирными кражами? Тем более, что и украдено не так много... По бандитским меркам, конечно.

– С вами Виноградников работает?

– Да, – неохотно сказал я. – Работал. По-моему, назначили следователя.

– Возможно, что-нибудь всплывет из похищенного... Кстати, вы уверены, что из квартиры не исчезло чего-нибудь еще?

– Ценного? Ценное у нас умыкнули все, не считая аппаратуры.

– Нет... Может быть, у вас было что-нибудь такое, чему вы не могли знать настоящей цены? Картина неизвестного художника, например? Или еще какое-нибудь произведение искусства?.. Нэцкэ не собирали? Японские аферисты идут на многое, чтобы вернуть эти старинные статуэтки в свою страну – там на них цены все время растут. Кстати, ваш Мотояма, по косвенным данным, уже промышлял этим. А ограбление для отвода глаз – вполне типичная уловка для преступников любой национальности.

– Не могу даже предположить... Вроде бы все остальное на месте. Хотя... – Я вспомнил про Танькин несесер.

– Хотя? – переспросил Панайотов.

– Да нет, ничего... Просто у нас есть одна вещица, которую моя жена взяла с собой в командировку, и на момент ограбления ее не оказалось в квартире... Обычный дамский несесер, в нем моя жена держала всякие причиндалы. Вещь довольно старая, но отечественного производства...

– Значит, не заявляли о пропаже?

– Нет... Скажите, а что – все сотрудники этой фирмы, «Токида», работают на якудзу?

– Я полагаю, они могут даже не догадываться об этом. Впрочем, такое бывает и у нас. К сожалению. Сейчас у организованной преступности даже заводы свои появились. Пять цехов работают легально, ту же краску, например, делают, шестой – героин гонит.

Я вспомнил о своих приключениях на ченгирском химзаводе. Черт, а не станут ли эти самураи какую-нибудь отраву производить на нашей производственной площади? Сомнительно, но ведь ничего невозможного нет.

– Кстати, когда предприятие у вас приносило доход, вы ведь отчисляли его часть «крыше»?

Я заерзал на стуле.

– Этим я не занимался.

– Правильно. Этим занимался Сорокин. И я знаю, кому он платил – банде Цыгана, верно?.. И лучшее доказательство того, что ваша фирма стала вотчиной международной оргпреступности – отсутствие этих, так сказать, «отчислений».

Я промолчал. Откровенничать с Панайотовым мне совсем не хотелось – слишком уж он был похож на особиста в нашей в/ч: так же влезал в душу, проявлял беспокойство за твою личность... Словом, разговор у нас закончился довольно быстро. Подполковник взял с меня обещание, что я его проинформирую, если будут явные свидетельства каких-нибудь темных делишек в «Токиде-С».

Разумеется, информировать РУОП я не собирался. Для себя я решил так: если замечу действительно что-то неладное, то сразу же сделаю из «Токиды» ноги – здоровье дороже принципов. В сущности, не мешало бы их сделать прямо сейчас, но... Перспектива заработка, раз в десять превышающего мои теперешние гроши, была весьма заманчивой. Ладно, японский бог с вами со всеми. Посмотрим, что будет дальше.

А по возвращении домой я взял в руки этот самый Танькин несессер и стал его рассматривать.

– Зачем ты его схватил? – без обычной для последних дней сухости сказала Татьяна. Причем она обратилась ко мне сама едва ли не впервые с того момента, когда нашла платок, перемазанный Ленкиной помадой.

– Так, экспертную оценку надо сделать...

– Эксперт, – почти добродушно сказала Таня.

Походило на то, что наша ссора благополучно завершалась. Ну что ж, неделя, принимая во внимание обстоятельства, вполне нормальный срок. Не вспоминать же теперь, из-за чего все началось...

Помня о словах Панайотова, я осмотрел несессер. На нижней стороне обнаружил полустертую вдавленную надпись с остатками текста: «...брика, г. Москва». И плюс всякие непонятные артикулы и ГОСТы, так же мало говорившие тогдашнему потребителю, как и цифры на современных штрих-кодах нынешнему; хотя и тогда, и сейчас находились «знатоки», уверяющие, что знают, какая цифра что обозначает...

Внутри лежали Танькины пудры-кремы-помады, брелок с ее знаком Зодиака и... Черт, эта штука как сюда залетела?

Я вынул из несессера темно-желтый лакированный цилиндрок, сделанный из цельного и довольно крупного бамбукового звена со сквозным отверстием у одного конца, просверленным точно поперек оси симметрии. Длина этой штуковины составляла сантиметров двенадцать, диаметр – где-то чуть меньше двух... И десяток маленьких иероглифов одним столбиком, содержащих в себе обращение некоего Дзэтиина к своему японскому богу. Вернее, богине Амагэрасу.

Отцовский сувенир с берегов Амура...

Конечно, трудно было предполагать, что именно за ним кто-то охотился – кому нужна ничего не стоящая японская безделушка, пусть даже довольно старая, если в квартиру пришли за золотом и долларами?

До беседы с Панайотовым я, пожалуй, подумал бы так же. Но теперь мне казалось, что эта невзрачная штуковина содержит в себе нечто, чего не разглядишь невооруженным глазом. «Может быть, у вас было что-нибудь такое, чему вы не могли знать настоящей цены?», – спросил Панайотов. Но бамбук, что в нем особенного, пусть даже этой штуковине и насчитывается лет триста? Не на дело же ради этой трубки идти...

А если что-то и вправду находится внутри?.. И интересно, украли бы ее у нас или нет, если эта штука лежала на месте?

– Что ты там бормочешь? – подошла Таня. Она стояла, прикасаясь своим плечом к моему, и мне, черт возьми, это было приятно.

– Послушай, как эта вещь оказалась в твоей косметичке?

– У тебя совсем нет головы, – сказала Таня. – Помнишь, два месяца назад я собиралась в командировку, и ты просил меня просветить ее на рентгеновской установке... Когда меня

наконец туда отправили я и взяла эту штуку с собой... В отличие от тебя, Маскаев, я всегда все помню. Потому и спрятала этот твой талисман-амулет в свой несесер загодя.

Признаться, только теперь я вспомнил: после того, как Лена, прочитав иероглифы и определив, что трубка не китайского, а японского происхождения, сказала, что внутри таких амулетов самураи в старину иногда хранили разные дорогие их сердцу вещи, я попросил Таню, которой светила командировка в тот город, откуда мы уехали в прошлом году, зайти на ее прежнее место работы и просветить эту трубку на предмет содержимого. Командировка все откладывалась и откладывалась, и я со временем позабыл о своей просьбе.

– Что же ты мне сразу не сказала? – спросил я. – Ну, просветила омамори?

– Просветила, представь себе... Только ничего интересного внутри нет – ни металла, ни камней... Похоже, пустышка.

– Но она чем-то залита с торцов. Интересно, насколько ценная эта штука, кто может сказать? Что если я возьму и аккуратненько ее вскрою? Вдруг это действительно футляр-контейнер? В нем может быть что угодно, даже письменные документы, которые не взял рентген. Представь себе, это же семнадцатый век, или около того...

– Ты знаешь, Андрей, я что-то в это не очень верю. Триста лет, а то и больше... Разве может деревяшка столько просуществовать и не измениться?

– Говорят, сохранились даже части от Ноева ковчега...

– Глупости...

– И книги, еще более древние, чем эта трубка...

– В музеях, без доступа...

– А музыкальные инструменты, Таня? А? Те же скрипки. Амати когда их делал? По моему, тоже в семнадцатом веке, и на них до сих пор можно играть; они не рассохлись, не сгнили. В рабочем состоянии, словом. А знаешь, почему?.. Лак! Хитиновый лак, который варили из панцирей креветок и всяких прочих сикарак! А восточные умельцы тоже вполне могли знать, что такой лак сохраняет поделки очень долгое время.

– Ну ладно, в это еще можно поверить... И все же, Андрей, может быть, не стоит ее ковырять? А если ты что-нибудь испортишь? Вдруг она стоит целое состояние, а ты начнешь ковырять, и все – только на помойку выбрасывать останется...

– А если внутри все же лежит что-то важное?

– Настолько важное, что из-за него ограбили нашу хату? – скептически покачала головой Таня, несмотря на то, что только сейчас говорила о «целом состоянии». – Нет, тут что-то другое.

– А что именно?

Таня пожалала плечами.

Бамбук у меня всегда ассоциировался с отцовскими удочками, на которые мы по выходным дням ловили в Волге рыбу с барж, стоящих на рейде: в отличие от других «воскресных пап», мой отец никогда не таскал меня по зоопаркам и другим подобным местам, традиционно предназначенным для увеселения детей, чьи родители находятся в разводе... Я держал в руке омамори, а перед глазами стоял отец в фуражке с якорем, в полосатом тельнике под наброшенным на плечи старым кителем, с удочкой в руках и с длинной сигаретой «Ява-100» в уголке рта. Я тогда приставал к нему, чтобы он отдал мне трубку с иероглифами, вообразив, что это деталь удилица, и если ее приладить к соответствующему месту, тогда вся волжская рыба – моя... Кстати, надо будет бате позвонить – ему я и так звоню значительно реже, чем матери, да и ее не очень-то балую телефонными звонками... Стоп, а зачем откладывать?

Я позвонил в Казань. Батя в свое время, сделав меня, ушел от матери к другой женщине. Причины расставания мне были неизвестны, но, поскольку сыновья часто повторяют жизненный путь отцов, догадаться не трудно, что произошло между моими родителями

однажды... Да и без того я был в курсе, что папаша всегда любил простые мужские радости, которые для хранительниц очага все равно что кость в горле вместе с зубной болью.

– Привет, пап! – сказал я, радуясь, что застал его дома. Летом он, поскольку продолжал работать на судах, неделями не появлялся на берегу. – Как жизнь?

– Да все так же. Скрипим... Когда домой приедешь?

– Не знаю, пап... Дела же.

– Дела, – ворчливо передразнил отец. – Наслышан я о твоих делах. Все спекулируешь?

– Нет, я сейчас менеджером в совместном предприятии работаю. И даже не в торговом.

– На флот не тянет?

Ну что я мог ответить? Тянет, и еще как тянет... Вот только я отлично знаю, что без практики меня сейчас хрен кто возьмет даже мотористом, тем более, что речники переживают на самые лучшие времена – свои-то кадры им сокращать приходится постоянно. И зарплаты не дожدهшься.

– Подожду, когда платить станут лучше... Там посмотрим.

– Все ищешь, где глубже...

Разговор стал меня раздражать. Батя, очевидно, находился не в самом лучшем расположении духа и был настроен повоспитывать меня.

Тем не менее я, насколько мог, сгладил выступы и шероховатости, а потом завел разговор об Амуре.

– Помнишь, у тебя была такая трубочка, цилиндрок бамбуковый? С иероглифами?

– Что-то не припоминаю...

– Ты еще говорил, что с Амура привез.

– А, было что-то такое... Пограничники знакомые подарили.

– Пап, а ты ничего не путаешь?

– Еще бы я путал! Начальник заставы, майор Кунцев мне ее подарил.

– Ты же говорил, что выменял ее у капитана китайского парохода! «Ветер с востока» номер семнадцать, если я не ошибаюсь.

Отец замолчал. Я почти физически чувствовал, как бьют по карману моих брюк пролетающие минуты – не так уж богато живут менеджеры, особенно недавно ограбленные...

– Папа, ты слышишь?

– Андрей, а почему ты вспомнил про нее? Что-то случилось?

– Пока нет... Но ее опознали, как японский, а не китайский талисман со словами молитвы или чего-то еще. Семнадцатый век, пап. Скажи точно, откуда она у тебя взялась?

Батя вздохнул – даже по телефону было слышно.

– Ты про своего деда, моего отца, много знаешь? – спросил он.

– Только то, что ты рассказывал, – произнес я. – А ты рассказывал всегда одно и то же: что практически не помнишь его.

– Тебе знакомо выражение «скелет в шкафу»?

– А то нет!

– Мне бы не хотелось, чтобы он вылез оттуда, сын. Я в свое время не собирался отдавать эту игрушку тебе, но ты почему-то еще со школьных времен требовал ее в подарок, вроде как чисто на память.

– Ну, да...

– Это дедова штука, Андрей. Я понятия не имею, откуда она у него, и что это такое, но знаю только, что он оставил ее мне как бы по наследству. Без комментариев.

– А при чем тут скелет, папа?

– У меня к тебе огромная просьба. Не копай тут. Я совсем не хочу, чтобы ты однажды узнал такое, отчего тебе может стать очень плохо.

– Слушай, ты меня заинтриговал! Хватит темнить, ну что за дела-то?

- Эта штука сейчас у тебя?
- Нет, задевалась куда-то.
- Надеюсь, ты не врешь... Но если вдруг наткнешься на нее, выбрось подальше или сожги. Денег она никаких не стоит, а неприятностей можешь нахлебаться.
- Но почему, пап? Что за мистика? Теперь я этого тем более так не оставлю.
- Я точно говорю: если ты вдруг все узнаешь, тебе будет очень тяжело жить...

Глава V

Несмотря на странное впечатление от разговора с отцом, я не оставил мысли насчет «копания». Но сразу этой трубкой заниматься не стал – после недельной ссоры нам даже ужин пришлось отложить... А когда Таня стала сладко посапывать, я понял, что не засну, пока не вскрою японский талисман – просто руки зудели.

Я тихонько встал, взял трубку, и направился на кухню. Вытащил свой инструментарий домашнего мастера, расстелил на кухонном столе газету и поставил рядом пепельницу.

Омамори был залит чем-то черным с обеих торцов. Возле одного имелось сквозное отверстие, и я решил, что вскрывать надо с противоположной стороны.

«Надеюсь, что я делаю правильно», – мелькнула мысль, когда я зажал амулет в тиски, не забыв вставить резиновые прокладки между их стальными губками.

Сняв слой лака, я убедился в том, что черное вещество – это что-то вроде смолы: твердой и немного при этом вязкой, словно битум... Потихоньку я начал выковыривать смоляную пробку.

Цилиндр был явно выдолблен, чтобы использовать его как футляр – в этом я убедился сразу же, как только тонкая стамеска пробила слой смолы. Расчистив отверстие, увидел внутри нечто слоистое, желтовато-серое, как будто вкладыш, повторяющий геометрическую форму амулета. Я затаил дыхание. Это походило на бумажный свиток, скрученный в трубку.

«Самураи не были столь сентиментальными, как европейские рыцари, – вспомнил я слова Лены. – Они чаще хранили там письменные сведения о себе или еще каких-либо важных вещах. Но довольно редко. Если хочешь, проверь. Впрочем, мне кажется, ничего там нет».

«Ошибаешься, Кирюшина, – про себя произнес я. – Что-то тут все равно есть. И, похоже, как раз письменный документ... Вот только как его достать оттуда?»

Я начал извлекать вкладыш из трубки, но в пинцете оказывались лишь кусочки мелкой трухи, словно хлопья пепла... Если я буду вытаскивать его такими эфемерными клочками, то от моей работы толку окажется абсолютный ноль.

Оставалось одно – расколоть цилиндр параллельно образующей. Я снова взялся за стамеску.

«Ты уверен, что делаешь правильно?» – задал я сам себе вопрос.

Внутренний голос молчал. Значит, правильно.

Минут через десять на трубке появились две аккуратные продольные трещины, и я, положив омамори на стол, приподнял одну половинку, как крышку. Правда, вторая смоляная пробка не дала разделить трубку надвое окончательно, но я и не стал ее разбирать, а просто вставил распорку между обеими половинками амулета.

Я прокрался в комнату и вытащил из Танькиной фонотеки два компакт-диска; сам я музыку терпеть не могу, особенно эстрадную, перенасытился ею еще в те времена, когда занимался нелегальной звукозаписью. Оказалось, что схватил любимые Танькины – Валерия Меладзе и Александра Серова... Ладно, с дисками-то ничего не случится, мне только футляры из оргстекла нужны...

Я вытащил наконец содержимое омамори и аккуратно положил свиток на поверхность одного из футляров.

Сделав перекур, я принялся разворачивать бумажную трубку. Истлевшая бумага поддавалась плохо; почти невесомые кусочки свитка так и норовили разлететься в разные стороны, и потому я даже дышал вбок. И так увлекся, что не услышал, как подошла Таня.

– Послушай, эксперт-криминалист, – услышал я и, вздрогнув, едва не порвал один из наиболее крупных кусочков с хорошо сохранившимися иероглифами на нем. – Ты отдаешь себе отчет в том, что принимаешь необратимые решения?

– Отдаю, – спокойно сказал я. – Помнишь философский вопрос: можно ли приготовить яичницу, не разбив яйца?

– А если ты приготовил яичницу из золотого яйца, Маскаев?

– Не думаю... Тем более, что скорлупу я выбрасывать не собираюсь.

Танька вытащила из моей пачки сигарету и закурила. Я, сколько себя помню, всегда боролся с этой вредной привычкой (не своей, а ее), но сейчас не стал реагировать. Тем более, что Таня не стала больше комментировать мои действия, а просто уселась на табурет чуть поодаль, придвинув к себе пепельницу.

Я продолжил свой кропотливый труд. Свиток почти полностью развернулся. Лист бумаги оказался небольшим, как раз почти по размеру футляра от компакт-диска: где-то сантиметров девять на тринадцать, может, чуть больше. Часть свитка, рассыпавшуюся на кусочки, я подхватывал пинцетом и подкладывал к уцелевшему центру, словно собирал мозаику-головоломку. И скоро передо мной лежало что-то более-менее похожее на текст... Разумеется, для меня совершенно непонятный: на листке желто-серой бумаги в шесть столбцов выстроились японские иероглифы. Которые, если тоже были изображены лет триста тому назад, писал (или рисовал?!) мужчина, как тогда было принято, судя по словам Лены. Возможно даже, тот самый безвестный самурай по имени Тамоцу Дзэтиин.

– Тань, где у нас пленка? – спросил я, не отрывая взгляда от таинственного письма... Я словно бы слышал звон кривых мечей и азартные выкрики свирепых узкоглазых воинов, упоенных битвой.

– Пленка?

– Полиэтиленовая, самоклеящаяся.

– Сейчас принесу.

Таня принесла рулон прозрачной пленки, и я ножницами отхватил солидный кусок.

– Куда тебе столько, жадина?!

– Молчи, женщина, – отозвался я. Потом накрыл другим футляром клочки свитка, чтобы они лежали между двух плоскостей из оргстекла и резко перевернул «сэндвич». Получилось неплохо – теперь документ лежал тыльной стороной вверх.

Я поправил пинцетом несколько съехавших клочков и, разделив пленку-самоклею надвое, наложил липкий прозрачный лист на бумагу. Возможно, у какого-нибудь музейного деятеля и случился бы инфаркт от моей технологии сохранения древних документов, но ничего другого я придумать не мог.

Зато теперь с текстом можно было работать безбоязненно. Я перевернул его, приложил сверху пленку без клеевого слоя и обрезал полиэтилен параллельно краям документа, оставив где-то по сантиметру запаса пленки от края старой бумаги. Иероглифы можно было прочесть без всяких затруднений.

– Теперь осталось только перевести, – сказал я.

– А спать ты сегодня не собираешься? – спросила Таня. – Третий час, с ума сойти можно.

– Собираюсь. Только склею трубку...

С футляром-амулетом я справился только через час, зато теперь лишь после тщательного изучения можно было сказать, что его вскрывали. Может, я и не специалист по музейным редкостям, но инженеру, да еще умеющему работать руками, грех не справиться с подобной задачей.

А завтра мне прямо с утра позвонил Такэути:

– Андрей, приезжай в гостиницу. Кажется, Мотояма-сан сможет тебе помочь.
Ну, если так...

– Ты куда это? – спросила Таня, заметив, что я, вопреки обыкновению, не стал валяться в кровати до одиннадцати по случаю субботы, а мигом побежал бриться и, на ходу жуя бутерброд, начал впрыгивать в джинсы. Хотя и улегся спать лишь около четырех.

– К японцам в гостиницу, – сказал я. – По делам фирмы.

– Смотри, не напейся с ними... Космополит.

Собираясь уходить, я бросил взгляд на упакованный в пленку документ. Взять с собой, показать японцам? Ведь к Ленке теперь, поскольку она подчеркнуто стала высказывать ко мне не самое лучшее отношение, с этим текстом, да и вообще с просьбами лучше не подходить. А то – ишь! – нос, видите ли, задрала... Нет, японцы обойдутся. Лучше уж возьму футляр-омамори, может, они точнее оценят его, нежели Лена.

И я положил амулет в свой органайзер. Потом поцеловал Таню, которая тоже частенько любила полениться в субботнее утро, и поторопился в сторону «Сибири». Итак, я – работник японской фирмы, вероятно, принадлежащей якудза, а посему у меня и в мыслях не было проигнорировать приглашение Сэйго.

В номере (не самом, к слову, шикарном), который занимал Мотояма, оказался и Такэути – без него, пожалуй, общение с Акирой, ни бельмеса не понимавшем по-русски, оказалось бы несколько затруднительным. Длинноволосый Сэйго, как всегда, за исключением того вечера в «Японском доме», был облачен в джинсы и мешковатый свитер – точно так одеваются миллионы молодых людей во всем мире – демократично и удобно. Зато Акира... Я даже не предполагал раньше, насколько сильно упаковка меняет человека: если на деловых встречах этот джентльмен в костюме с галстуком выглядел типичнейшим средней руки служащим, то теперь передо мной предстал грозный воин; его черное кимоно с красными полосками на обшлагах широченных рукавов было перехвачено белым шелковым поясом. Окажись за этим поясом кривой меч, картина получилась бы законченной, но меча там не обнаружилось, и я, как ни странно, ощутил облегчение. Почему-то в присутствии этого человека я и раньше чувствовал себя не слишком уютно, а сейчас, когда он находился в своей стихии и на своей территории, и подавно.

Но держался Мотояма корректно и даже любезно. Он едва заметно поклонился (я последовал его примеру) и жестом предложил мне сесть в кресло.

– Если я правильно понял, речь пойдет об ограблении моей квартиры? – спросил я у Сэйго.

– Не торопись, – сказал Такэути. – Сначала, как положено, чаю попьем... – Тут в номер вошла горничная с тремя чашками на подносе. – Хотя это, конечно, пародия на чайную церемонию. Но я, если честно, и сам не все ее правила знаю.

Чай пили за невысоким столиком; с одной стороны сидели мы с Такэути, напротив нас восседал Мотояма. Если он был ярким приверженцем национальных традиций, о чем говорил его костюм, то подобное чаепитие мог воспринять даже не как пародию, а как издевательство. Впрочем, никаких эмоций Акира по этому поводу не проявлял. Якудза, черт возьми... Или все-таки нет?

Минут через семь-восемь Мотояма отставил свою чашку, кивнул сперва мне, потом – Такэути, и заговорил. Сэйго выслушал и перевел мне:

– Мотояма-сан в курсе, что твою квартиру ограбили сразу же после презентации нашей общей фирмы. Это было не просто преступное деяние. Было нанесено оскорбление тебе а, следовательно, и фирме «Токида». Поэтому служба безопасности предприняла некоторые шаги, и вот уже есть первые результаты.

– Какие именно? – тирада японца меня несколько озадачила.

Вместо ответа Мотояма встал и, вытащив из тумбочки женские часики в желтом корпусе и с желтой же браслеткой, положил их на столик. Потом что-то сказал.

– Мотояма-сан говорит: вполне возможно, что это твое золото...

Я был уверен в том, что точно такие же часы подарил Тане еще в первые недели нашего знакомства, когда я работал в порту и зашибал неплохие деньги на «левых» грузах. Тогда этот подарок, жутко дорогой, по ее разумению, настолько потряс Таньку, что через несколько дней я навсегда покинул общагу и прочно закорился в квартире моей «гражданской супруги».

– Часы принадлежат твоей жене? – спросил Сэйго.

– Можно посмотреть?

– Конечно.

Я взял часики и приблизил их к глазам. Похоже, действительно, Танькины, «Заря». Черт побери, но если номер их совпадет с тем, что записан в паспорте, если Танька его не выкинула, то дело становится очень даже интересным... Да и без того: часы ношенные, наверняка с какими-то приметам, известными Татьяне; браслет куплен в другом месте, что уже вносит элемент случайности в возможность появления точно такой же комбинации... Доказать принадлежность можно. Но если так, откуда они у японцев?!

– Откуда они у вас?

Мотояма осклабился.

– Служба безопасности не всегда ставит в известность сотрудников других подразделений фирмы о своих методах работы. У нас достаточно личных контактов с разными влиятельными людьми в вашем городе, и мы помогаем друг другу.

Ну, так и есть! Мафия, чтоб ее...

И вот тут я понял, что влип. Если мафия оказала тебе услугу, то ты «по любому» оказываешься обязанным ей... Часы Танькины, это сто процентов. Теперь этот Мотояма добудет еще что-нибудь из пропавшего, а потом потребует, чтобы я закрывал глаза на любые их «темные делишки»... Вплоть до производства наркотиков или еще какой-нибудь гадости. Шаг влево, шаг вправо будут считаться попыткой к бегству. И тогда – короткая поездка в багажнике куда-нибудь на берег Оби, где этот Акира, одетый в национальное кимоно, отрубит менеджеру Маскаеву его тупую башку острым самурайским мечом, и поплывет сотрудник фирмы со смешанным капиталом на Север, щук кормить... Черт, уж не сами ли японцы устроили мне этот цирк с ограблением?

Последняя мысль поразила меня как громом. А что? Запросто ведь. Знали, что я либо напьюсь на презентации, либо попадусь в лапы нанятых на всяких случай «рексов» – в любом случае, до хаты я не должен был дойти. Танька в командировке – это нетрудно узнать... Или все это чушь? Неужели такое сделали только для того, чтобы затянуть меня в свои сети? Нет, наверное, чушь. Можно было все сделать гораздо проще, не прибегая к сильнейшим средствам. Значит, просто «личные контакты» без причастности к ограблению, которое произошло очень уж кстати для японцев.

Тем не менее, я пересмотрел мой первоначальный замысел ознакомить японцев с имеющимся у меня омамори. Ничего – меньше знают, крепче спят...

– Можешь взять эти часы. Если твоя жена определит, что это – ее вещь, мы уже будем знать, в каком направлении действовать дальше, – продолжал переводить Сэйго.

А, плевать!

– Скажи господину Мотояма, – сказал я Сэйго, – что я благодарен службе безопасности фирмы «Токида» в его лице. – Это прозвучало несколько церемонно, но близко к азиатскому стилю.

Акира выслушал перевод, с серьезным выражением на лице встал и поклонился. Я сделал то же самое, полагая, что аудиенция окончена. Мой собеседник произнес еще несколько слов.

– Мотояма-сан будет рад услышать от вас, верно ли было предположение насчет часов, – произнес Такэути. – Возьми их и как можно скорее сообщи, ваши они или нет, потому что Мотояма-сан через несколько дней отбывает домой.

Акира извлек откуда-то свою визитку и, написав на ней номер, по которому, как я понял, его можно найти в городе, протянул карточку мне. Я взял ее и сказал Сэйго:

– Переведи, пожалуйста, Мотояме-сан, что я эти часы сейчас не возьму, так как у меня нет полной уверенности в том, что они принадлежат нам... И хотелось бы договориться о том, чтобы забрать их попозже, например, завтра, когда я приду вместе с женой.

Сэйго перевел. Если «господин самурай» и был чем-то недоволен, то не подал виду. Он кивнул и убрал часы со стола. Такэути не преминул заметить, что я поступил не очень деликатно, хотя, в общем, резонно. Но мне плевать было на восточные церемонии.

Аудиенция подошла к завершению, я свистнул «молнией» органайзера, чтобы положить туда визитку Акиры. И вот тут – как подобное назвать, не знаю, но факт остается фактом – из его недр прямо на столик выскочил омамори и с глухим стуком покатился прямо под нос господину Мотояме.

Пожалуй, никто на его месте не смог бы проигнорировать подобный случай. Мотояма так и вытаращился на амулет. Такэути, похоже, заинтересовался не меньше. Но деликатностью моих собеседников бог не обидел. Мотояма, взглянув на меня, произнес несколько слов.

– Мы просим разрешения взглянуть на эту вещь, – сказал Сэйго.

Как отказать? Под каким соусом? Тем более, что за погляд, как мне приходилось слышать, денег не берут...

– Ты знаешь, что это такое? – спросили меня чуть погодя.

– Да, – ответил я. – Это японский амулет.

– И ты в курсе, что на нем написано?

– Да, мне перевели. «Храни меня»... Как там ее, забыл... И, видимо, фамилия владельца – «Дзэтиин Тамоцу».

– Дзэтиин, – с каким-то странным выражением повторил Мотояма. И произнес довольно продолжительную фразу.

– У тебя в руках, Андрей, действительно самурайский омамори – талисман-оберег, служащий одновременно и контейнером для хранения каких-либо личных ценностей. Дело не в том, что этот талисман стоит больших денег – скорее всего, нет, но для истории Японии он очень ценен: фамилия Дзэтиин – почти легенда. Первое упоминание о ней относится еще к тринадцатому веку. О многих представителях этого самурайского рода есть сведения в летописях разных времен. Судя по начертанию иероглифов и историческим данным о человеке по имени Тамоцу, этот омамори можно датировать эрами от Кэйтё до Канъэй по японскому календарю... То есть, примерно, первой половиной семнадцатого века.

Мотояма покрутил трубку в руках и что-то спросил. Удивительно резким тоном.

– Мотояма-сан спрашивает, что находилось внутри?

Что ответить? Может быть, соврать?.. Стоп, а с чего он решил, что я должен об этом знать?

– Я не вскрывал этот футляр, – решил ответить я.

– Но на нем есть следы вскрытия, – сказали мне. – И притом непрофессионального.

– Мне ничего не известно о том, вскрывали его или нет, – сказал я. – В таком виде он мне и достался.

– Достался? Каким образом?

- От отца, – неохотно решил сказать я правду.
- Не в курсе ли ты, Андрей, ему подарили эту вещь? Или он где-то ее купил?
- Нет. Она ему досталась вроде как по наследству.

Тут Мотояма, услышав перевод, выпучил глаза еще сильнее, чем даже в тот момент, когда увидел подкатившийся к нему омамори.

И смотрел он на меня. Очень внимательно.

- Что значит «по наследству»?

– Я недавно разговаривал с отцом, – произнес я. – И отец сказал мне, что получил ее от своего отца, моего деда, с которым у него были очень непростые отношения.

Мне показалось, что Мотояма очень удивился моим словам. Такэути, видимо, тоже.

- Ваш дед, случайно, не бывал на Дальнем Востоке?

– Ну, отец мой родился в Хабаровском крае. Вероятно, и дед в это время был рядом.

Но подробностей я не знаю.

Акира откинулся в кресле и внимательно посмотрел прямо в глаза Сэйго. Тот пожевал губами и опустил взгляд. Черт возьми, что-то сейчас происходило здесь. Но что?

Я услышал какое-то шевеление у двери номера. Обернулся. Мое движение заметили и Такэути с Мотоямой, потому что тоже посмотрели в ту сторону.

У двери стоял еще один японец, знакомый мне и, разумеется, моим собеседникам. Я его видел на презентации – этого человека звали Кэнро Кидзуми.

Кидзуми поправил очки в массивной черной оправе, коснувшись их указательным пальцем возле переносицы, и негромко что-то произнес.

Талисман лежал на столе, и вошедший, конечно, тоже увидел его. Но, если он и заинтересовался, то не подал вида.

– Ты можешь забрать этот омамори, – перевел Сэйго. – Скорее всего, эта вещь больше уже ничего не скажет.

Вот теперь аудиенция была действительно закончена.

– Ты знаешь, я всегда поражалась твоему легкомыслию, – сказала Таня, – но сейчас, по-моему, происходит обратное: ты видишь только мрачные аспекты всего дела. Посуди сам: что пока случилось? Абсолютно ничего. Ты ничего не видел, ничего не знаешь. Ничем никому не обязан.

- А часы?

– Но ведь ты их не взял? – с беспокойством спросила Таня.

– Если бы я их взял, то отдал бы их тебе...

– Иногда ты все-таки неплохо соображаешь, Маскаев. Если бы ты их взял, могло оказаться хуже. Доллары они тебе не предлагали опознать?

– Как бы я их опознал, интересно?

– Но ведь ты же переписал номера.

– Послушай, ты только что сказала, что я иногда неплохо соображаю. Ведь не такой же я болван, чтобы трезвонить об этом направо и налево. Достаточно того, что про это знает наш друг Виноградников.

Таня фыркнула.

– Завтра, говоришь, они нас ждут? – спросила она. – Вот и сходим.

...Этим же вечером у меня пискнул пейджер, что для субботы было явлением редким. Сообщение оказалось простым и коротким. «Жду сегодня. Л».

Я про себя выругался: ну не могла Ленка затосковать хотя бы позавчера, когда мы с Танькой еще спали по разным углам! Нет, строила из себя невесту что, самурайская душа!

Таня заметила, что я не в духе.

- Что-то опять случилось? – осведомилась она.

– Да нет, ничего...

– Могу точно сказать, что тебя выманивают из дома... Так, Маскаев-кот?

– Вот и не угадала...

– А ты злишься, что мы помирились, и тебе приходится играть в порядочность... Плут ты, Андрей. Да у тебя на физиономии все крупным шрифтом отпечатано... В принципе, если ты и пойдешь, сам ведь знаешь, мало что изменится. Просто мне известно, что когда в тебя вселяется злой дух, то хоть пояс невинности на тебя надевай – ничто не удержит.

Я невольно вздрогнул.

– Какой еще «дух»?

– Такой. Который тебя, как мартовского кота, таскает иной раз невесть в какие дырки, а потом ты злишься, и думаешь, какого черта это сделал... Верно ведь? Только сам себе ты никогда в этом не сознаешься.

– Да куда я не собираюсь...

– Имей в виду, – произнесла Таня, – я тебя насильно удерживать не стану.

Вот и все. Несколько умело построенных фраз, и я уже знал, что никакая сила не заставит меня пойти к Ленке. Только за полночь, когда я уже начал засыпать после привычного раунда борьбы под одеялом, вдруг подумал, насколько все же бабы хитрее нас, мужиков, особенно если это касается дел интимных.

Но подумал без всякой досады и уж тем более, злости.

Глава VI

Господа японцы встретили нас в том же составе, в каком были вчера, и в точно такой же обстановке, какая имела место тогда в номере. Можно даже вообразить, что после моего вчерашнего визита и Такэути, и Мотояма не трогались с места и даже не переодевались: кимоно Акиры по-прежнему оставалась таким же угольно-черным и без единой складочки, а Сэйго, на первый взгляд, тоже не менял прикид, но вскоре я обратил внимание, что вместо «ливайсов» на нем теперь сидели «райфлы». Демократично, черт возьми...

Оба азиата показались мне то ли настороженными, то ли заинтригованными. Как показала беседа после представления им Тани и неперемного чаепития, отцовский сувенир являлся вообще чем-то из ряда вон выходящим.

– Мотояма-сан убедительно просит узнать, кем и как был вскрыт талисман-омамори, – начал Такэути. – Дело в том, что мы, японцы, очень бережно относимся к истории своей страны и пользуемся любой возможностью, чтобы собрать сведения о выдающихся людях Японии, к которым, без сомнения, относятся и самураи рода Дзэтиинов. Последний представитель этого рода, как узнал Мотояма-сан, когда звонил вчера в Токио, погиб во время второй мировой войны – он был летчиком. Из тех, что в конце войны получили нарицательное имя по названию одного из спецотрядов – «Камикадзе»... Пилоты-смертники вычеркивались из списков живущих еще до своей фактической гибели, но порой случалось, что они не погибали в действительности. Например, попадали в плен – японские самолеты иногда оказывали летчикам такую «услугу» – будучи легко подбитыми, те же «мицубиси» или «накадзима», вместо того, чтобы сгореть или сорваться в штопор, благополучно планировали и жестко приземлялись, оставляя пилотов в живых... Кроме того, – Сэйго слегка прищурился, – всем известно, что даже камикадзе мог в бою «потерять лицо», но об этом говорить не принято. И последнее. То, что омамори оказался в России, говорит о многом. Самурай, уходящий на заведомую смерть, передавал талисман за ненадобностью своему старшему сыну, либо он доставался тому по наследству. По-видимому, последний из Дзэтиинов ушел на войну бездетным – следов этого рода в Японии нет. И теперь нам надо проследить путь талисмана в обратном направлении, от сегодняшнего дня до конца тридцатых. И в этом, Андрей, нам поможешь именно ты.

– Каким образом? – спросил я.

– Найдешь содержимое омамори. – Тон Мотоямы был весьма тверд. Сэйго бросил на него быстрый взгляд.

– Боюсь, что это будет трудновато, – сказал я. – Ведь даже мой отец говорил, что он не вскрывал трубку.

– Прискорбно, – последовала двусмысленная фраза. – Но Мотояма-сан настаивает, чтобы вы попытались найти содержимое. При этом, если вдруг придется совершить поездку, фирма ее оплатит, также как и дорожные расходы.

«Фирма оплатит»... Проклятье, похоже, дело идет к тому, что я чем дальше, тем сильнее рискую оказаться в кабале у мафиози.

– Кроме того, – продолжал переводить Такэути, – мы ведь тоже можем оказать вам услугу. Фирма должна помогать своим сотрудникам, и членам их семей – тоже. Так заведено на всех японских предприятиях, а «Токида-С» – на три четверти японская фирма... Послушайте, Таня: Маскаев-сан, наверное, говорил вам, что служба безопасности головного предприятия «Токида» нашла украденные у вас часы?... Вот они, возьмите, пожалуйста...

С этими словами, которые, правда, произносил Сэйго, Акира поднес часы и с легким поклоном протянул их Тане. Таня взяла вещицу и стала внимательно ее рассматривать.

– Я, конечно, ценю заботу и внимание фирмы, – сказала она. – Но... Простите, это не мои часы.

Татьяна положила их на столик. Мотояма озадаченно уставился на Такэути, и когда тот перевел, у него глаза стали как у настоящего европейца.

– Но это ваши часы, Таня.

– Нет, уверяю вас, вы ошибаетесь. Это похожие часы, но не мои. У моих вот здесь, на корпусе, имелась ямка, вроде как раковина в металле. Браслетка здесь была чуть-чуть погнута... И стрелки совсем другие.

– Нет, это не могут быть не ваши часы. Возьмите их, они же принадлежат вам. Сверьте номер, наконец.

– Послушайте, господин... Мотояма. Господин Такэути. Мне не нужно сверять номер, тем более, что паспорт давно утерян. Я не могу взять не принадлежащую мне вещь. Пожалуйста, не просите меня об этом, я все равно не возьму эти часы.

Сказать, что японцы были озадачены, значило бы не сказать ничего. Но Акира не стал «терять лицо», как Остап Бендер, пытавшийся вручить гражданину Корейко украденные у того деньги. Он молча снял со стола часы и убрал их в тумбочку. Затем повернулся к нам, поклонился, явно ожидая, что мы очистим помещение.

Я, признаться, не знал, что и подумать. Неужели японцы пошли на такой дешевый трюк, не понимая той простой истины, что владелец всегда опознает свою вещь, особенно если владелец – женщина, а вещь – не столько прибор, показывающий время, сколько украшение? Или, выходит, Мотояма предлагал Тане взять именно ее часы?

Об этом я и спросил Таню сразу же, едва мы вышли на улицу. Она фыркнула:

– Послушай, ну ты точно ненормальный. Конечно же, это мои часы. Неужели я бы их не узнала?..

– Но почему ты так сделала?

– Знаешь, Андрей, когда ты мне говорил, что побаиваешься, я не очень-то верила, что тут дело нечисто. Уж очень все экзотично и как-то театрально: японцы, старинные талисманы... Но теперь я увидела этих людей воочию и понимаю: лучше держаться подальше. Ты очень зря сделал, что засветил свою трубку, ну и черт с ней. Главное – ты у них не остался в долгу.

– Может, ты и права... Но ведь они могли бы найти и все остальное... И часы теперь накрылись.

– Часы... Знаешь, как мне жалко эти часы? Но я устала жить в ожидании неприятностей. Неприятностей для тебя, в первую очередь. Надеюсь, Маскаев, ты оценил мою жертву?.. Так вот, твой завтрашний день начнется с того, что ты положишь Игорю заявление по собственному.

Я так и остолбенел.

– Это невозможно.

– Это возможно. И необходимо. И ты это сделаешь.

– Но работа! Где я буду работать? Где сейчас деньги платят? Или опять в Китай, с нуля?

– Устраивайся к нам в контору – шеф сказал, что ему зам по административно-хозяйственной части нужен. С опытом работы в снабжении. Оклад неплохой, побольше даже, чем у меня, а я и то не жалуюсь.

Я промолчал, собираясь с мыслями. Таньку понять было можно. Но устраиваться в их контору при заводе, чтобы носиться как дураку по городу, экспедируя не принадлежащие тебе материальные ценности? И плюс к тому постоянно видеться с Танькой – не только дома, но еще и там, в рабочее время?.. Да мы же из-за непрерывного общения взвеем друг от друга через месяц – проходили ведь уже!

– Это Акира на тебя произвел такое впечатление? – спросил я.
– Своим шутовским видом? Нет, эту хламиду он для тебя надел. Но мне ужасно не понравились его глаза. Это убийца, Андрей. Я просто уверена в этом.
Я захотел усмехнуться, но почему-то не получилось.

И все же в понедельник я не стал увольняться из «Токиды-С», а решил отложить сей печальный акт на неделю. Причина была в том, что Игорь пригласил нас с Таней, а еще Сашку Попова и бухгалтершу Маришку Филиппову с мужем к себе на третью годовщину свадьбы. Дата казалась не особенно знаменательной, отметить мы ее должны были, что называется, «в узком кругу» – без родственников и тех приятелей, с кем Сорокины перестали поддерживать постоянные отношения. Словом, на дачу в поселок близ совхоза «Морской», или как он там сейчас называется, должны были приехать только представители руководящего звена фирмы (японцы, разумеется, не в счет), по возможности, с супругами. Мне очень не хотелось омрачать близкий праздник моего шефа и компаньона своим уходом из фирмы, и мы с Танькой после недолгих споров решили, что я уволюсь из фирмы после нашего возвращения в город.

Неделя прошла спокойно. Лишь однажды нас вызвал следователь, некий Константин Власьев, к которому перешло дело об ограблении нашей квартиры, но к показаниям, что мы дали в свое время Виноградникову, ни я, ни Таня ничего не добавили. Звонил мне и Панайотов, интересовался, нет ли чего нового. Я сказал, что нет.

Уехали восвояси Токида и Кидзуми; до Владивостока с ними отправился Сэйго, чтобы помочь соотечественникам, не знающим русского языка и плохо знакомым с русскими обычаями. Но Мотояма, как сказал мне Такэути в приватной беседе перед своим отъездом, почему-то отложил возвращение домой. Впрочем, приглашения в гостиницу от Акиры я больше не получал, не посещал он и офис, а поскольку в конторе у нас теперь должен был торчать японец, очень неплохо знающий русский язык, то и Лена оставалась не при делах; в офисе «Токиды-С» делать ей теперь было нечего. Да это, наверное, и к лучшему: после того, как я проигнорировал ее пламенный призыв, она, зайдя к нам на работу в понедельник, вообще не обратила на меня внимания. Ну что ж, твое дело...

Документ, извлеченный из трубки, я не торопился никому показывать, да и Таню попросил не распространяться (она, разумеется, только фыркнула). И когда в четверг приглашенный из сервисного центра мастер наконец-то наладил копировальный аппарат в нашем офисе, я потащил документ на работу, чтобы снять с него ксерокопию.

Ксерокс (вернее, если быть точным, копировальный аппарат фирмы «Кэнон»), что стоял в кабинете генерального, был одним из самых простых и дешевых, а следовательно, капризным. Он часто жевал бумагу и порой почему-то жадничал насчет тонера – копии то и дело без видимых причин получались бледными. Я спросил разрешения снять несколько копий, и Сорокин буркнул: «Валяй».

На этот раз мне повезло: я с первого же захода сделал пару приемлемых отпечатков. Правда, третий, и без того, как я заметил, пропечатанный не более чем наполовину, заело в недрах коварного агрегата. Я собрался его выковырять, но меня по какому-то срочному делу отвлекла бухгалтерша, а потом позвонил из цеха Попов, у которого возникли проблемы. Цех располагался не слишком близко от офиса, я съездил туда на тачке Игоря, а когда вернулся, генеральный уже наладил «кэнон» и всю штамповал какие-то бланки – в кабинете жутко воняло озоном.

Я получил устный выговор за то, что чуть было снова не загубил нежную технику, размножая бумаги, не относящиеся непосредственно к работе. В оправдание я мог сказать только то, что господин Сорокин еще не удосужился установить копировальные аппараты

непосредственно в квартирах сотрудников фирмы. Игорь беззлобно ворчал, а я чувствовал себя не очень уютно, поскольку работать мне с ним в ближайшем времени уже не придется.

Я не хотел держать документ дома, поэтому отдал оригинал Таньке, чтобы она спрятала его у себя на работе, а копии, коль скоро в понедельник придет время увольняться, унес домой.

Если честно, мне иногда начинало казаться, что вся эта моя возня вокруг документа не стоит нервов. Тем более, что Мотояма больше мне не звонил и не требовал, чтобы я немедленно отправлялся на поиски содержимого омамори, принадлежавшего неведомым мне самураям из рода Дзётиинов.

Суббота выдалась солнечной, даже для июня день казался жарковатым. Ясная, теплая погода стояла всю неделю, вода в Оби наконец-то нагрелась до приемлемой температуры, и теперь, переезжая реку по Октябрьскому мосту, можно было видеть, что с каждым днем все больше пляжников вылезает на песчаный берег для принятия водно-солнечных процедур. Значит, в воскресенье днем можно будет устроить продолжение пикника на пляже.

Мы с Сашей Поповым помогли Игорю затариться, хотя сейчас этот процесс происходил куда быстрее и проще, нежели в прежние годы – достаточно оказалось объехать на Сорокинской «тойоте» пару магазинов, чтобы набить багажник пивом, водкой и всяческими закусками... Приятнее, проще и... Скучнее.

Впрочем, Игорь не хотел гнать на дачу машину. Их поселок на левом берегу Обского моря находится не так уж близко от города. К тому же отвратительная дорога, по которой гнать «карину», да еще с пятью взрослыми людьми – только гробить подвеску и кузов... Да, именно с пятью. У Маришки заболел ребенок, а посему чета Филипповых извинилась перед нами, что вот, выдалась такая незадача.

Словом, план относительно транспорта не изменился. Мы договорились встретиться на площади Маркса около половины четвертого с закупленными продуктами и сесть на автобус.

Мы с Таней подошли к остановке, когда Игорь и Ирина уже стояли там; возможно, мы прибыли бы и пораньше, но пришлось долго договариваться с соседями (в частности, со Змеей Особо Ядовитой), дабы те присматривали за нашей хатой и, в случае чего, немедленно звонили прямо в райотдел.

– Санек что-то задерживается, – заметил Игорь.

– Наверное, от своих игрушек оторваться не может... – скривив губы, произнесла Ира. Почему-то женщины часто относят увлечение компьютерами к тому же реестру мужских смертных грехов, куда включены алкоголизм, занятия опасными видами спорта, порнография и прочие хобби.

– Вон он, – сказала Таня. – И не один, с подругой какой-то...

Я пригляделся, и мне вдруг показалось, что я проглотил крупную глыбу льда: холодную, колючую и тяжелую. Сашка действительно шел с подругой. И с какой! Рядом с ним, потряхивая тяжелой гривой черных волос и сверкая голыми ногами, шагала Лена Кирюшина, облаченная в высоко обрезанные шорты и блузку-псевдоматроску. Вот это номер! Интересно, почему этот кретин даже не предупредил о том, что возьмет Лену с собой?..

Парочка подошла, мы поздоровались. Таня и Ира не были лично знакомы с нашей переводчицей, хотя и слышали краем уха о ней, поэтому пришлось выдержать небольшую церемонию.

У меня была слабая надежда, что Ленка притащилась лишь для того, чтобы проводить новоявленного приятеля. Но это, конечно, оказалось не так.

– Игорь, ты же не будешь против, если мы поедем к тебе вдвоем? – заговорщицки подмигнув, спросил Саша.

– Пожалуйста, места для всех хватит, – ответил Сорокин. И взглянул на меня. – Девушки, нам с Саней быстро поговорить надо...

Тут и я подмигнул Игорю.

– Да, Андрей, тоже подойди на секундочку. Время есть еще.

– Мужские секреты, – услышал я Ленкину реплику. Черт возьми, с какой целью она навязалась к нам?

– Саня, послушай, – начал Игорь, когда мы отошли в сторону. – Ты мог хоть бы сказать, что придешь не один?

– Ну, не люблю я быть пятым лишним...

– Саня, Саня, ведь там полно баб, кому вставить можно.

– Ну, видишь, у нас с ней что-то наклеивается...

– Болван, – влез я. – Ты же отлично знаешь, у кого я завис после презентации. Мог бы подумать о том, каково мне будет в одной компании с женой и любовницей? Причем Ленка на меня злится – она меня в ту субботу приглашала к себе на пару палок чая, а я не пришел.

– Как – в ту субботу? Она разве... – Саша вдруг замолчал.

– Вот так, – мстительно произнес я. – На пейджер пришло от нее сообщение. «Жду, раздвинув ноги».

– Че, правда, что ли? – опешил Саша.

– Конечно, нет. Но приглашение было.

Сашка, похоже, слегка расстроился. Еще бы! Видно, он вообразил, глядя на нас с Ленкой, что наше с ней дело дальше не пойдет, а потому сам решил приударить за ней... А она, не иначе, авансы ему уже кидала еще и на той неделе. Ничего, пусть теперь попереживает, маньяк виртуальный.

Вопреки моим мрачным предчувствиям, ничего плохого на протяжении всего остатка субботы не случилось. Было довольно весело. Водка, пиво и вино явно уродились в этот вечер – настроение напитки поднимали, не бросая никого в депрессию или агрессивность, как это иногда, что греха таить, случается.

Дача Сорокина оказалась довольно старой, еще его родители в своей молодости пытались тут построить высокий двух- или даже трехэтажный дом, но вместо этого получилось одноэтажное, словно бы расплющенное по всему участку, многоквартирное сооружение с четырехскатной крышей. Подобная архитектура, несмотря на отдельные недостатки, имела и определенные удобства: в ту же баню, например, не нужно было идти через двор – она оказалась очень органично встроенной прямо в «тело» дома.

Когда застолье пошло к концу, а выпивки еще оставалось порядочно, все, разумеется, высказались за то, чтобы устроить баню. К счастью, дело оказалось довольно простым, если не считать того, что поначалу дым никак не хотел идти в трубу, норовя заполнить тесное помещение бани и распространиться по всем комнатам.

Алкоголь делал свое дело – женщины потребовали дискотеку. Игорь включил музыку.

Нам, мужикам танцевать, конечно, не шибко хотелось – не школьники, чай... И, уважив своих половин в этом плане лишь единожды, мы с Игорем уселись на диван, закурили и стали обсуждать дела фирмы, близкие и понятные нам обоим...

Зато Сашка и Ленка все топтались в обнимку по кругу, даже, по-моему, когда музыка была не та. Но Попов нагрузился сильнее обычного и потому скоро плюхнулся на диван, оставив партнершу в одиночестве. Судя по тому, как он присосался к бутылке кока-колы, даже такие медленные танцы его малость притомили.

А Кирюшина была сегодня в ударе. И по части застолья, да и общую беседу она поддерживала как надо. По-моему, даже Танька, то ли инстинктивно, то ли еще почему поначалу сторонившаяся ее, с течением времени стала разговаривать с Ленкой чуть ли не друже-

ским тоном, хотя, может, причиной тому был излишний алкоголь. И танцевать Лена первой выскочила, а сейчас ей хотелось продолжения немедленно. Но Сашка скис, не стоило ему налегать на белую, да еще пивком придавливать.

Мы с Игорем продолжали беседовать, у Таньки с Ирккой разговор что-то не шел, обе вяло обсуждали эстрадных певиц, вернее, критиковали оных.

И неожиданно я услышал:

– Андрей, может, ты не откажешься потанцевать со мной?

Спрашивала Ленка. Ну, с ней я, возможно, и потанцевал бы, но не сейчас же, конечно...

– Нет, извини, – сказал я. – Что-то не танцевальное у меня сегодня настроение.

И быстро посмотрел на Таню. Умница, она сразу же изобразила на лице целую фразу: «Если дело во мне, то неужели я буду ревновать из-за танцулек?»

Но мне действительно не хотелось сейчас этих танцев-обжиманцев. И Ленка, перехватив наши с Таней взгляды, вдруг как-то уж очень странно заулыбалась.

– Ах так?.. Девчата, давайте веселиться сами! Ир, сделай музыку погромче, мы и без мужиков танцевать умеем!

И произошло чудо: и Ира, и Таня, видимо, уже уставшие от однообразного перебивания косточек эстрадным певичкам, вскочили и с выражением неподдельного удовольствия на лицах принялись прыгать под какую-то ритмичную мелодию.

Мы с Игорем даже позабыли, о чем беседовали сами. Конечно, у нас жены-подруги молодые, симпатичные, но, готов поспорить на что угодно, сейчас не только я, но и Саша, и Игорь, в основном, пялили глаза на Ленку, которая выделяла своим телом что-то совершенно невообразимое, немного напоминающее танец живота, если я в этом что-нибудь смыслю.

Таня и Ира явно встряхнулись: лица порозовели, глаза засверкали... Как только быструю музыку сменила медленная, дамы вновь потянулись было за кавалерами, но кавалер Игорь убежал проверять печку в бане, кавалер Саша мужественно боролся с осованием, кляня носом, а кавалер Андрей просто начал немотивированно отбрыкиваться, чем вызвал бурное негодование Татьяны.

– Ну и партнеры у нас! – воскликнула Лена. – Тань, давай еще раз покажем, что мы и без них танцевать умеем. – И, ухватив Таньку за талию, предложила покружиться вместе.

Если Таня и была удивлена, то не показала этого. Приняв предложение, она положила Лене руки на плечи, и женщины принялись медленно двигаться в танце. Таня повернулась ко мне и показала язык. Когда очередь дошла до Лены, то она мне подмигнула. Но без улыбки.

– О! – Этот возглас издал вернувшийся Игорь. – А кто из вас мужчина?

– Ну вот, пришел поручик Ржевский и все опошил, – сказала Ира.

Танцующие, казалось, не обратили внимания на эту шпильку. Обе закончили кружиться и переступить ногами не раньше, чем прозвучал последний аккорд мелодии, а после этого вернулись к столу. Мне показалось, что Татьяне понравилась эта выходка. Вот только какую цель преследовала Ленка? Ссору между нами затеять? Непохоже. Если она баба умная (а с этим трудно не согласиться), то должна понимать, что таким способом практически невозможно вызвать ревность у мужчины, разве только у законченного ханжи и пуританина. Дурачится по-своему? Эксцентричность свою показывает? Или что-то еще?

Танцев больше не было. Игорь торжественно объявил, что баня готова и выразил мнение, что первыми туда лучше отправиться Лене с Сашей, пока Попов не заснул окончательно.

– А баня просторная? – поинтересовалась Лена. – Все мы зараз туда не поместимся?

Трудно сказать, в шутку или всерьез она это произнесла, но Игорь шутки не принял и ответил собственной.

– Может, и поместились бы, но для этого придется всех заранее намазывать... А того, кто будет возле печки, лечить потом от ожогов третьей степени. В общем, лучше не экспериментировать. Может не всем понравиться.

Лена примолкла и, потормошив Сашку, повела его в баню. Не знаю уж, что они там делали, но вернулись оба не раньше, чем через полчаса. Саша вроде бы немного протрезвел.

– Хорошая банька, – произнесла Лена, вытряхивая сигарету из пачки. – И душ весьма контрастный.

Теперь была наша очередь. Я знаю, что Таня не такая уж любительница русских и финских бань как таковых, да и любовью предпочитает заниматься при условии подушек да простынь, но сейчас произошло нечто... И вовсе не в парилке дело. Приходя в себя на средней ступеньке, я спросил:

– Вот уж не думал, что тебя танцы с женщинами так возбуждают.

– Глупый ты, Маскаев-кот. На себя бы лучше посмотрел, как ты ее глазами поедал... Я даже думала, поперхнешься.

– Чего это ты ревновать-то вздумала? И вообще, у нее же с Сашкой дела.

– А ты знаешь, она ему не дает, – вдруг сказала Таня.

– С чего это ты взяла?

– Точно тебе говорю. Потом сам можешь его спросить, увидишь, что он ответит. Если не соврет, конечно.

Глава VII

Ночь прошла спокойно, только из той комнаты, где расположились хозяева, долго еще раздавался скрип кровати. Оттуда же, где ночевали Саша и Лена, не доносилось вообще никаких звуков, и мне это казалось довольно странным. Но, может быть, Сашка просто вырубился, добравшись до койки...

По сравнению со следующим днем суббота казалась просто прохладной: если градусник не врал, то уже с утра спиртовой столбик подскочил до двадцати восьми в тени.

По окончании утреннего пивопития, предпринятого мужской половиной с целью поправления пошатнувшегося за ночь здоровья, вся компания решила сделать вылазку на пляж. Но картина, представшая перед нашими глазами, оказалась весьма удручающей.

Пологий песчаный берег был завален телами коров – я говорю о настоящих коровах, тех, что, по слухам, дают молоко и мясо. Разомлевший от жары крупный рогатый скот валялся на песке, лениво помахивая хвостами и ушами; разумеется, неаппетитные лепешки на пляже тоже наличествовали.

Я понимаю, что коров можно любить, как домашних животных, притом весьма полезных для человека, но это не значит, что я с радостью изьявлю желание купаться и загорать рядом с ними. Мои спутники, видимо, чувствовали то же самое, а потому помрачнели. В принципе, искупаться можно было чуть выше по течению, но обрывистый берег, отвесно уходящий в воду, по которому пришлось бы затем карабкаться, хватаясь за торчащие корни, привлекал разве что только любителей острых ощущений, к коим наши женщины не относились.

– Эх, была бы лодка, – сказал Саша. – На островок вон тот бы сплавали...

Обское море, конечно, морем называть сложно, как и любое другое водохранилище. Хотя отсюда противоположный берег казался едва заметной тонкой ниточкой, а остров, о котором говорил Саша – не намного лучше виднеющейся точкой. Несколько еще таких же точек находилось в пределах видимости, и там, надо полагать, принимающих солнечные ванны коров не должно было оказаться.

– У твоих же есть лодка, – заговорила Ира, обращаясь к мужу.

– Ну, есть... «Тюмень», тяжелый дюралевый утюг... С шестью человеками кто на весла-то сядет?

– Ну, пошли мужики слабосильные, – недовольно сказала Ира.

– Ты не забывай, что здесь какое-никакое, а течение. Пока дочапаем до острова, лодку снесет на несколько километров. А против течения тогда в этой железяке только Шварцнеггер выгребет. И еще обратно ведь возвращаться...

– А мотора у тебя нет? – спросил я.

– Был где-то... Только его не заводили уже лет восемь, да и вообще я не представляю, как с ним обращаться.

– И что же ты раньше молчал?.. Так, народ! – обратился я ко всем присутствующим. – Если вы сможете обойтись без меня пару часов, то дикий пляж вам будет обеспечен...

– Правда? – с надеждой спросила Лена.

– Какие проблемы, – небрежно ответил я, хорошо понимая, что если у мотора не окажется какой-нибудь важной детали, или обнаружится, не дай бог, трещина в корпусе, то самураю на моем месте самое время было бы вспомнить о ритуале сэппуку. По причине классической «потери лица».

Мы вернулись на дачу, и Игорь открыл сарай.

– Прощу, – сказал он.

Мотор, на мое счастье, оказался не из самых плохих – «Вихрь-М». Двадцать пять лошадиных сил, два цилиндра, рабочий объем четыреста двадцать два кубических сантиметра... Знакомая техника. И, похоже, без видимых повреждений.

– Справишься? – спросил Игорь.

– Инструменты найдутся?

– Вот тут, в ящике... Еще что-нибудь надо?

– Давай-ка вытащим его на улицу и где-нибудь установим. Темно здесь.

Мы выволокли «Вихрь» из сарая и подвесили прямо на перекладину невысокого забора. Выкурив сигарету, я принялся за работу.

Уже через несколько минут мне стало ясно, что половина проблем снимается – система зажигания оказалась в полнейшем порядке. Свечи искрили как бенгальские огни. Но топливная система оставляла желать лучшего – и соединительные трубки рваные, и иглу поплавка заедает, и с бензонасосом, видимо, не все в порядке...

Когда работаешь с механизмами, время летит незаметно. Не замечаешь не только времени, но и вообще ничего вокруг. Поэтому, услышав вопрос, заданный женским голосом «ну, как?», и оторвавшись от мотора, я лишь тогда почувствовал, что голова раскалилась от солнца, и заметил, что истекаю потом и с головы до ног перемазан масляным нагаром.

Рядом стояли Таня и Лена, которая и задала мне этот вопрос. Обе уже облачились в купальники-бикини (Танька, правда, по причине чувствительной кожи надела еще и топик).

– Мы тебе пива принесли, – сказала Таня. – И надень вот это на голову, а то получишь солнечный удар, чего доброго. Целый час на таком солнце, уму непостижимо...

Я волей-неволей сравнил обеих женщин, и понял, что несмотря на почти голливудские пропорции Лены, Таня все же именно «мой тип». Она – невысокая светлоглазая блондинка, с умеренных размеров грудью, но чуть крупноватая от талии и ниже, в отличие от высокой, узкобедрой и грудастой Ленки... Которая, впрочем, если подумать (и вспомнить!), тоже очень даже ничего...

Я надел какую-то доисторическую хлопчатобумажную кепочку с пластиковым козырьком и припал к бутылке холодного «Холстена»... «Мы принесли», – сказала Таня. Ничего себе, они уже, получается, подружились. Черт! Этого мне еще не хватало!

Но теперь, если я не сумею запустить мотор, действительно останется только харакири. Взяться за гуж...

Девчонки ретировались, а скоро подошел Игорь.

– Что-нибудь нужно?

– Конечно. Канистру бензина, не выше восьмидесятого, а лучше – семьдесят второго, но его, боюсь, сейчас не найти... Литр автола и пол-литра нигрола.

– А это что за зверь? Где я это все найду?

– Поспрашивай у соседей... У кого моторы есть, те знают. Но просто так никто не даст, придется покупать.

– Да это-то понятно...

Когда Игорь притащил необходимое, у меня уже почти все было готово. Я закачал нигрол в редуктор винта, а потом снова нашел Игоря, который вместе с супругой что-то такое разглядывал на запущенном участке, где сквозь густую траву пробивались чахлые кустики виктории.

– Пойдем, – сказал ему я. – Надо засунуть мотор винтом в бочку. Думаю, его лучше будет погонять первое время на берегу. Посмотрю, как он работает.

– Так ты его в самом деле запустишь? – недоверчиво спросила Ира, тоже уже надевшая купальник. Жена Игоря Сорокина обладала неплохой фигурой, но была совсем не в моем вкусе.

– Пара пустяков...

Мы с Игорем сняли мотор с забора (тяжеленный, злодей, сорок пять кило, между прочим). Опустив дейдвуд с гребным винтом в железную бочку с водой, прикрутили агрегат к ее краю. Я смешал бензин с автолом и перелил смесь в бак.

– Ну, теперь послушаем музыку...

Игорь остановился поодаль, словно ожидал, что мотор вдруг взорвется или произойдет еще что-либо подобное. Я взялся за пусковой трос.

«Только не чихай, старик!», – мысленно попросил я у мотора, хорошо зная по опыту, что если двухтактные двигатели издают чихи, то это частенько чревато еще несколькими часами долгой и нудной работы, которая далеко не всегда оказывается успешной.

Первый рывок, как и следовало ожидать, оказался холостым. Еще бы – восемь лет мотор стоял без движения... Я рванул второй раз, третий... Пятый... Десятый... Остановился перевести дух. И обнаружил, что на меня смотрят все пятеро.

Да, понятно, что двигало самураями, решившимися на ритуальное самоубийство. Я плюнул на руки, потерял их и, снова взявшись за шнур, изо всех сил рванул его на себя.

И едва не оглох – мотор взревел всеми двадцатью пятью лошаадьми, сидевшими в его цилиндрах. Я схватился за румпель и спешно перевел рукоятку газа на низкие обороты. Кажется, двигатель работал относительно ровно, хотя и постреливал время от времени. Дым из выхлопной трубы забурлил пузырями в бочке. Теперь главное, чтобы двигатель не заглох: эти старые лодочные моторы – очень капризные создания, иногда они напрочь отказываются заводиться в состоянии неполной прогретости.

Кажется, мне закричали «ура». Танька с Ленкой даже запрыгали и заплотировали. Зафиксировав рукоятку, я театрально поклонился. Похоже, хакаки откладывалось.

– Игорь, готовь лодку! – воскликнула Ира. – Давайте собираться.

Проверив, насколько хорошо работают подача топлива и система охлаждения, я заглушил двигатель. В нагрудном кармане моей рубашки, висевшей поблизости, лежали сигареты, но сейчас боязно было залезть туда рукой без того, чтобы на ткани не осталось безобразное черное пятно. Тут рядом остановилась Лена.

– Андрей, ты просто волшебник.

– Гм... Лен, огромная просьба: дай, пожалуйста, сигаретку.

Лена аккуратно, без всякого намека на игривость, извлекла из моего кармана пачку и достала одну сигарету для меня, а другую взяла себе, хоть я и курил достаточно крепкий для нее «Кэмел». Щелкнула зажигалкой. И пристально посмотрела на остывающий в бочке мотор, из которой все еще выползали голубоватые жилки выхлопных газов.

– Ничего волшебного, – произнес я. – Техника. Ее понимать надо. И уважать. И не относиться, как к мертвому железу.

– Вот оно что, – без тени насмешки сказала Лена. – И ты именно так к ней относишься?

– А что? У двигателей внутреннего сгорания есть целых три из пяти основных признаков живого существа: питание, дыхание и преобразование энергии. Поглощают топливо, глотают кислород и выбрасывают выхлоп. Ну и движутся, само собой. Только вот не растут...

– А пятый признак какой?

– Воспроизведение себе подобных... Этого моторы, к сожалению, не умеют.

– А ты любишь технику, – сказала Лена.

– Я же все-таки инженер...

– А людей ты не любишь. Даже женщин.

Я промолчал. Лабиринт рассуждений Кирюшиной оставался для меня тайной за семью печатями.

– У тебя такая чудесная жена, – добавила она. – И ты, по-моему, этого просто не замечаешь.

– Послушай, давай не будем... Зачем ты так?

Тут, на мое счастье, подвернулся Саша. Поскольку шефа не было видно, вдвоем с технологом мы потащили мотор на берег. Если эта штука не закапризничает на лодке, то дикий пляж без домашних животных можно обеспечить запросто.

Лодка уже оказалась на берегу, возле нее караулила Ира.

– А где муж? – спросил я.

– Да вроде вам навстречу пошел...

Понимая, что хитрый господин Сорокин решил отвертеться от переноски тяжелого мотора, мы вернулись на дачу. Женщины уже собирали вещи и возбужденно щебетали – я даже непроизвольно поморщился.

– Игорь, – вдруг услышал я голос Лены. – Ты говорил, тут рядом телефон есть? Мой мобильник не работает.

– Мой тоже. Есть тут телефон, – отозвался входивший в калитку Игорь. – В магазине, за углом... – он ткнул пальцем куда-то себе через плечо. – Только оденься, – добавил Сорокин, оглядывая Лену с ног до головы. – Деревенские не любят, когда в пляжном по улицам ходят.

Мотор не закапризничал. В облезлую дюралевую лодку загрузилась вся наша компания вместе с остатками выпивки и закуски, я оттолкнулся от берега веслом и через пяток метров, откинул мотор винтом в воду.

– Ну, великий кормчий... – сказал Сашка.

С третьего рывка «Вихрь» запустился, и через минуту я дал ход. «Тюмень», конечно, не самая быстроходная лодка на свете, к тому же была загружена до упора, но двинулись мы довольно резво, когда я дал полный газ. Женщины даже поначалу зажали уши руками – эти моторы режут весьма громко.

Но на тот остров, что напротив поселка, я высаживать народ не стал. Немного покрутившись, я заметил, что у пологого берега чертовски мелко и вместо песка ил. Кайфа от купания будет ноль. Поэтому я вывел лодку на стрежень и рванул вверх, в сторону, противоположную Новосибирску: если мотор, не приведи господь, конечно, откажет, по течению вернуться будет проще, чем против.

Однако, долго искать место для высадки нам не пришлось: минут через двадцать показался довольно симпатичный островок с уютным пляжем, покрытым почти белым песком. Туда я и направил лодку, снизил скорость, и скоро «Тюмень» ткнулась носом в заплесок. По тому, как корма у лодки осталась почти в покое, не потащилась сразу в сторону, я сделал вывод, что течение даже в середине водохранилища довольно слабое, хотя и более заметное, чем у самого берега. Кажется, выбор места удачен...

Лет десять тому назад найти точку для отдыха на воде было делом весьма затруднительным: по причине баснословной, как сейчас кажется, дешевизны горючего, сотни, если не тысячи, горожан на своих моторках целыми армадами перли по реке, дабы устроить уик-энд на природе. Поэтому в выходной найти уютное местечко на берегу или острове было сложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.